

I.

Отъ Новороссійска до Сухума.

Весной 1886 года, принявъ на себя порученіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества заняться въ лѣтніе мѣсяцы вмѣстѣ съ Н. В. Никитинымъ археологическими изслѣдованіями восточнаго побережья Чернаго моря, примѣрно, отъ Новороссійска до Сухума, — я рѣшился прежде всего ознакомиться непосредственно съ предназначеннымъ раіономъ для нашихъ археологическихъ изысканій. Такое предварительное знакомство съ этой мѣстностью, опредѣляя хотя въ общихъ чертахъ количество и характеръ археологическаго матеріала, интереснаго для изслѣдованія, давало мнѣ возможность болѣе цѣлесообразно распорядиться своимъ временемъ и сосредоточить изслѣдованія на мѣстахъ, болѣе важныхъ въ археологическомъ отношеніи. При этомъ я долженъ былъ имѣть въ виду, что весь матеріаль архитектурный и преимущественно церковнаго характера отходилъ въ область изслѣдованій специалиста Н. В. Никитина.

Кавказскій берегъ Чернаго моря, съ глубокой древности заселенный сплошь варварскими народами въ то же время у устій рѣкъ и морскихъ заливовъ былъ оживленъ и Греческими колоніями. Какъ извѣстно, у авторовъ классической древности, описывавшихъ этотъ край, упоминается цѣлый рядъ названій городовъ, бухтъ и пристаней по этому побережью. Къ сожаленію, до сихъ поръ опредѣленія многихъ изъ этихъ мѣсть, по большей части не основываясь на фактическихъ данныхъ, возбуждаютъ сомнѣнія. Неопредѣленность и неясность въ приурочиваніи указанныхъ древними авторами извѣстныхъ мѣстностей еще болѣе увеличивается отъ того обстоятельства, что многіе изъ древнихъ писателей, составляя свои компіляціи, большею частью совершенно не были

сами знакомы съ этимъ краемъ, а описывали мѣстность на основаніи слуховъ, какъ всегда часто невѣрныхъ и не ясныхъ. Изъ числа древнихъ писателей по личному знакомству съ этимъ краемъ и по богатству свѣдѣній о немъ въ особенности заслуживаютъ вниманія Арріанъ и Страбонъ, которыхъ указанія весьма важны для изученія древнихъ поселеній этого побережья. Въ средніе вѣка свѣдѣнія объ этомъ краѣ оживляются и увеличиваются, въ особенности благодаря портуланамъ или морскимъ картамъ Генуэзцевъ, Венеціанъ, Каталонцевъ. Затѣмъ, съ начала турецкаго господства на Черномъ морѣ, наступаетъ сравнительно глухое время въ культурной исторіи этого побережья. Только спустя долгое время послѣ утвержденія турецкаго владычества въ этихъ мѣстахъ проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на это побережье описанія любознательныхъ путешественниковъ, католическихъ миссіонеровъ и, наконецъ, людей торговыхъ. Скудость письменнаго матеріала тѣмъ болѣе заставляетъ дорожить археологическими изслѣдованіями и раскопками, которыми можно было-бы подтвердить или исправить извѣстныя комментаріи древнихъ писателей и вообще восполнить недостатокъ историко-топографическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ.

На основаніи этихъ соображеній я и поставилъ себѣ задачей на первый разъ въ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ своихъ придерживаться преимущественно тѣхъ мѣстностей, которыя, по всему вѣроятію, могли въ древности играть роль культурныхъ центровъ этого побережья. Такая задача при условіи успѣшныхъ изслѣдованій могла вообще имѣть важный научный интересъ въ смыслѣ разъясненій древней топографіи этого края. Опредѣленіе мѣстности древнихъ культурныхъ центровъ, ихъ характера и степени вліянія ихъ на туземныхъ жителей могли выяснить только раскопки и изслѣдованія, произведенныя въ сохранившихся могильникахъ этого побережья. Научный матеріалъ, собранный этими раскопками, какъ я надѣялся, могъ-бы пролить нѣкоторый свѣтъ на этнографическія черты или отличія древнихъ обитателей этого края, извѣстныхъ подъ именемъ: Синдовъ, Зиховъ, Керкетовъ, Ахейанъ и Геніоховъ, тѣмъ болѣе, что съ этими именами до сихъ поръ не связано въ наукѣ никакихъ опредѣленныхъ представленій и племенныхъ отличій: древніе и средне-вѣковые писатели обыкновенно обобщаютъ нравы и обычаи всѣхъ этихъ племенъ; при томъ-же самыя описанія этихъ нравовъ и обычаевъ, какъ извѣстно, крайне скудны. Такимъ образомъ, мой планъ топографическихъ изслѣдованій древнихъ колоній по необходимости связывался съ задачами этнографическими, а вслѣдствіи этого и самая почва изслѣдованій значительно расширялась. При всемъ томъ я не имѣлъ надежды

окончательно выполнить планъ своихъ работъ, такъ какъ полноту и законченность изслѣдованій я по необходимости долженъ былъ ставить въ зависимость, какъ отъ особенныхъ мѣстныхъ условій, при которыхъ приходилось производить работы, такъ въ особенности отъ времени, которымъ я могъ располагать для своего пребыванія на Кавказѣ.

Вотъ почему иногда изслѣдованія и раскопки получали по необходимости характеръ археологическихъ развѣдокъ, полезныхъ во всякомъ случаѣ для будущихъ изслѣдователей этого края, въ которомъ, какъ извѣстно, систематическихъ раскопокъ и развѣдокъ до сихъ поръ еще не было произведено.

Знакомство наше съ кавказскимъ берегомъ Чернаго моря мы начали съ Новороссійска, гдѣ и собрали свѣдѣнія о памятникахъ древности, находящихся въ окрестностяхъ. Желая, согласно предположенному плану, ознакомиться прежде всего съ прибрежной мѣстностью до Сухума—мы торопились выѣхать изъ Новороссійска на югъ, по направленію къ Сухуму. Путешествіе наше мы предпочли совершить сухимъ путемъ, такъ какъ такой способъ передвиженія обѣщаль намъ болѣе близкое знакомство съ краемъ и его жителями, а стало быть и болѣе успѣшное собраніе свѣдѣній о древностяхъ. Къ сожалѣнію, мѣстность, принадлежавшая тогда къ Черноморскому округу, заселилась недавно, а потому жители еще мало ознакомились съ окрестностями, выходящими изъ черты ихъ хозяйственныхъ интересовъ. Такъ, напр., въ селеніи Джубѣ казакъ-поселенецъ сообщилъ мнѣ, что назадъ тому 9 лѣтъ, онъ какъ-то разъ, отправившись на охоту въ окрестныя горы, видѣлъ въ одномъ ущельѣ большое изъ камня высѣченное изваяніе человѣческой фигуры, но въ настоящее время этого ущелья онъ никакъ уже отыскать не можетъ. Подобные факты незнанія окрестностей встрѣчались не разъ на нашемъ пути. Мы проѣхали Геленжикъ, Пшадъ, Береговую, Вуланку и пріѣхали въ Джубу. Собирая по дорогѣ свѣдѣнія о курганахъ, могильникахъ и другихъ памятникахъ древности, я не увлекался пока изслѣдованіями и раскопками, а ограничивался только осмотромъ интересныхъ для меня мѣстностей; впрочемъ въ с. Береговой, гдѣ разлитіе рѣки Пшада удержало насъ по неволѣ лишнее время, я успѣлъ произвести раскопку небольшого кургана, принадлежащаго къ обширному могильнику, у самаго селенія: высота этого кургана была около $\frac{1}{2}$ метра, форма полушарообразная. Насыпь состояла изъ вязкой глины; на самой поверхности земли надъ серединой насыпи оказался скелетъ, лежавшій какъ бы на помостѣ изъ плоскватыхъ камней на самомъ скелетѣ лежали также камни.

Положеніе скелета было съ NW на SO (головой на NW): придавленные камнями кости находились не въ порядкѣ, но руки, повидимому, были вытянуты вдоль туловища; у костей правой ноги лежалъ сосудъ красной глины, очень грубой работы, въ формѣ кувшина съ отбитыми краями и ручкой. На лѣвомъ плечѣ лежали желѣзныя ножницы. По сторонамъ черепа нашлись двѣ серебряныя серьги; имѣвшія сердце-видную форму. Типъ подобныхъ серегъ встрѣчался въ раскопкахъ Самоквасова на Кавказѣ, и — въ коллекціи вещей изъ Осетіи: (Историческій Музей).

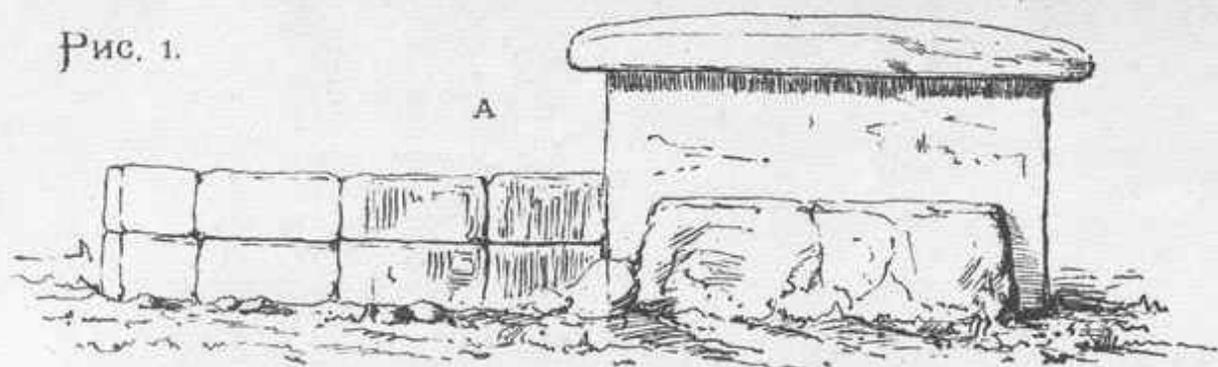
Рис. 1.

Во время краткаго пребыванія въ селеніи Джубѣ мы осмотрѣли прекрасно сохранившійся долмень, находящійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, очень интересный по размѣрамъ и по полуциркульной пристройкѣ. Какъ извѣстно, долмены мѣстные жители называютъ „богатырскими хатами“; пристройку же эту жители прозвали „богатырской конюшней“. Покойный Байернъ издалъ рисунокъ этого самаго долмена: (Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. 7); но, къ сожалѣнію, весьма небрежно и невѣрно. Бывшій съ нами въ качествѣ фотографа художникъ г. Михайловъ: сдѣлалъ планъ и рисунокъ этого долмена, по указаніямъ г. Никитина (Таб. I) *). Невдалекѣ отъ этого памятника въ лѣсу

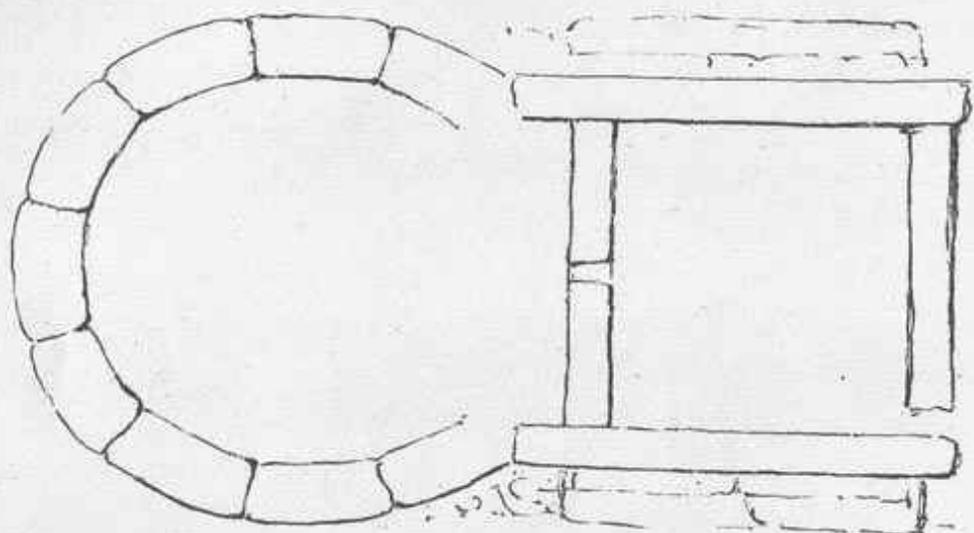
*) Помѣщенный въ текстъ мой рисунокъ (№ 1) изображаетъ долмень со стороны, прѣвоположной полуциркульной пристройки и со входомъ, сдѣланнымъ поздѣе.

лежали нѣсколько камней; на одномъ изъ нихъ можно было замѣтить орнаментъ, но къ сожалѣнію этотъ камень былъ совершенно прикрытъ корнями большаго дерева, срубить которое мы не рѣшились, не имѣя на это разрѣшенія владѣльца лѣса, находившагося въ отсутствіи.

Рис. 1.

В

Рисунокъ 1. А. Долмень въ с. Джубѣ. В Планъ долмена.

Рис. 1.

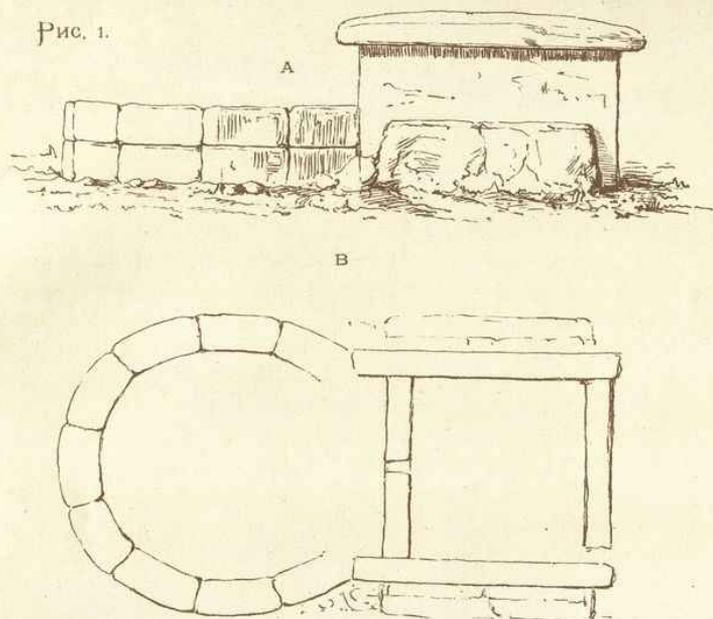
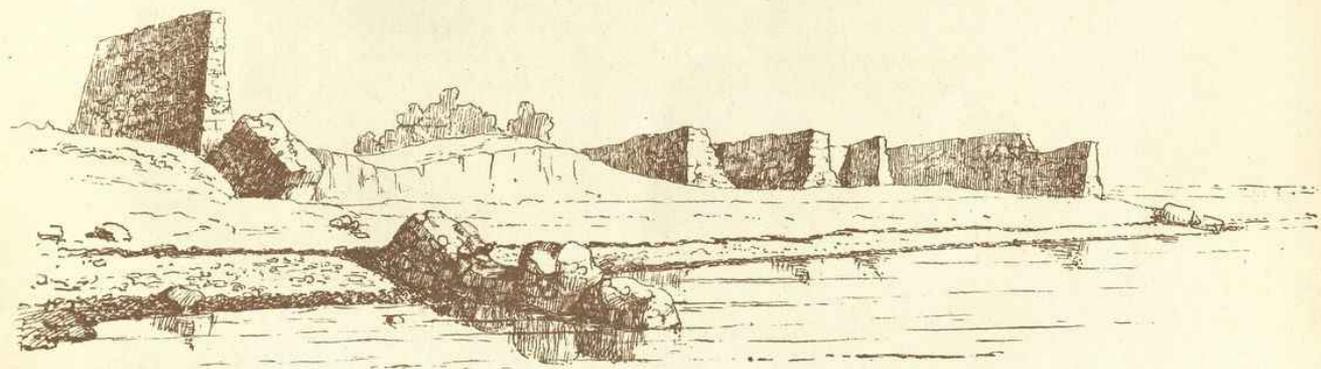

Рис. 2.

Рисунокъ 1. А. Долмень въ с. Джубѣ. в Планъ долмена. Рис. 2. Развалины стараго Сухума.

IV.

Отъ Новороссійска до Геленджика.

Долмены-цисты по дорогѣ въ Геленджикъ и въ станицѣ Натухайской. Могильники въ Геленджикѣ. Могильникъ въ с. Кабардинскомъ.

Въ первыхъ числахъ августа я уже торопился изъ Сухума моремъ переправиться въ Новороссійскъ, откуда я и надѣялся совершать свои экскурси для изслѣдованія окрестныхъ могильниковъ. На основаніи собранныхъ мною свѣдѣній я располагалъ произвести раскопки въ могильникахъ Геленджика, Мысхако (близъ Новороссійска), и, наконецъ, въ могильникахъ Цемесской долины, а затѣмъ уже остатокъ времени употребить на раскопки кургановъ въ станицахъ Натухайской и Раевской и, такимъ образомъ, подвигаясь на сѣверъ, остановиться верстахъ въ 15 отъ Анапы.

Что же касается самаго Новороссійска, то въ настоящее время городъ этотъ представляетъ мало археологическаго интереса: прежде всего обращаютъ на себя вниманіе развалины турецкой крѣпости „Суджукъ-Кале“; развалины эти находятся къ западу отъ города, на сѣверномъ берегу бухты; вблизи крѣпости разбросано нѣсколько турецкихъ могильныхъ насыпей *). Построеніе этой крѣпости Тетбу де Мариньи относитъ къ 1720 году. Благодаря существованію теперь цементнаго завода на восточной оконечности бухты, ближайшіе берега усердно изрываются для добыванія камня и однако-же о находкахъ тамъ древностей мнѣ не удавалось слышать; впрочемъ, доходилъ до меня слухъ о давнишней находкѣ вблизи завода служившимъ тамъ техникомъ мраморнаго сосуда или вазы, но провѣрить этого слуха я не могъ, такъ какъ техникъ

*) Нѣкоторые разрыты незадолго до нашего пріѣзда Е. Д. Фелицынымъ.

давно переѣхалъ въ Астрахань, куда перевезъ и вазу, а на мои запросы въ Астрахань я не получалъ отвѣта.

Между тѣмъ въ 1840 году Тетбу де Мариньи засталъ еще слѣды какихъ-то древнихъ построекъ и много кургановъ къ юго-востоку отъ форта, хотя большею частью раскопанныхъ изъ любопытства или уничтоженныхъ новыми русскими постройками. Далѣе въ томъ-же сообщеніи онъ говоритъ: „живущій здѣсь г. Контръ-Адмиралъ Серебряковъ показывалъ мнѣ найденные въ нихъ (т. е. въ курганахъ) разные предметы: амфоры, урны, маленькую бутылку изъ бѣлаго стекла и нѣсколько домашней утвари изъ мѣди и желѣза. Видѣлъ я также клинки сабельные, сильно заржавѣвшіе и согнутые вдвое—чтобы можно было ихъ засунуть въ урны, остатки кольчуги совершенно изъѣденной ржею и пр.“ *).

Почти около того-же времени другой путешественникъ Дюбуа замѣтилъ здѣсь на берегу моря, противъ форта, слѣды большого города, гдѣ, по его словамъ, находятъ много монетъ греческихъ и римскихъ. Этотъ-же путешественникъ передаетъ рассказы одного плѣнника о курганахъ, въ которыхъ черкесы находили мраморные саркофаги и въ нихъ много золотыхъ вещей. Какъ Дюбуа, такъ и Тетбу де Мариньи назначаютъ въ этомъ мѣстѣ Бату Страбона. На средневѣковыхъ картахъ бухта эта носила названіе — „Calo-Limena“. Къ этой же бухтѣ Тетбу де Мариньи приурочиваетъ названіе — „Тенагосъ“. Дѣйствительно, эта прелестная бухта должна была и въ древности играть важную роль. Бухта врѣзывается въ берегъ съ запада въ сѣверо-восточномъ направленіи, образуя двухколѣнный изгибъ и суживаясь постепенно къ концу. Сѣверо-восточный берегъ образуется покатостью лѣсистой возвышенности, которая по другую сторону отдѣляется узкой долиной и рѣчкой отъ горы Мысѣако, находящейся отъ Новороссійска верстахъ въ семи и образующей въ долинѣ небольшой заливъ. На сѣверо-восточной оконечности Новороссійской бухты въ море впадаетъ рѣчка Цемесса, протекающая по обширной и роскошной Цемесской долинѣ, обставленной съ одной стороны склонами приморскихъ возвышенностей, а съ другой хребтомъ, составляющимъ водораздѣлъ бассейна р. Кубани; хребетъ этотъ и его склоны возвышаются также надъ юго-западнымъ берегомъ бухты. Цемесская долина, разстилаясь въ длину болѣе, чѣмъ на десять верстъ, упирается въ скалистый сланцевый хребетъ, соединяющій приморскія возвышенности съ хребтомъ Варадахъ.

*) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, томъ I, 1844 г., стр. 629.

Предполагая произвести раскопки въ Геленджикѣ, я рѣшился отправиться туда на лошадяхъ. Отъ Новороссійска до Геленджика считается версть сорокъ. Дорога все время идетъ по скалистому и высокому берегу бухты, до самаго селенія Кабардинскаго, лежащаго въ рѣчной, узкой долинѣ, которая отдѣляетъ сплошную береговую возвышенность отъ горы Дуобы, выдающейся далеко въ море и составляющей юго-западную оконечность Новороссійской бухты. Проѣханный мною путь далъ мнѣ возможность ближе ознакомиться съ характеромъ берега этой части бухты, гдѣ, по заявленію Тетбу де Мариньи, находились курганы, а Дюбуа замѣтилъ слѣды большаго города. Однако въ настоящее время весь берегъ до ущелья Кабардинскаго и горы Дуобы представляетъ мѣстность совершенно неудобную не только для поселенія, но и для простаго изслѣдованія: нельзя спуститься къ морю съ совершенно отвѣсныхъ обрывовъ и нельзя лодкѣ пристать къ такому скалистому берегу. Впрочемъ, скалы эти состоятъ изъ бѣлаго сланца и потому, вывѣтриваясь, быстро-осыпаются въ море и образуютъ такимъ образомъ отвѣсные обрывы, что замѣтно и по самому наружному виду этихъ обрывовъ — такъ издали они представляютъ бѣлые разрѣзы выдававшихся въ море береговыхъ частей. Въ подтвержденіе этого предположенія я могу сообщить еще слѣдующій фактъ: по пріѣздѣ въ селеніе Кабардинское, пока кормили лошадей, я отправился въ сопровожденіи учителя кабардинской сельской школы, г. Даринскаго, осмотрѣть окрестности селенія и ближайшую мѣстность у горы Дуобы. Г. Даринскій, по моей просьбѣ, повелъ меня къ большому кургану, находящемуся на берегу моря, недалеко отъ этой горы. Курганъ этотъ оказался правильной полушарообразной формы и, примѣрно, саженой болѣе двухъ высоты. Онъ стоялъ такъ близко къ обрыву берега, что такая правильная насыпка его была бы невозможна, если бы и тогда линія берега такъ близко его касалась — очевидно, берегъ въ этомъ мѣстѣ значительно осыпался. Мѣстность около Дуобы въ древности могла служить удобной бухтой и удобнымъ мѣстомъ поселенія у устья рѣки. Поэтому сообщенія о слѣдахъ древнихъ построекъ и о курганахъ, замѣченныхъ почти 50 лѣтъ назадъ упомянутыми выше путешественниками, скорѣе всего могутъ относиться именно къ этой мѣстности. Вглядываясь въ величественный и вмѣстѣ суровый характеръ горы Дуобы, нельзя не привести слѣдующихъ словъ Тетбу де Мариньи: „Можно полагать, что въ этомъ мѣстѣ находился Геронъ или Гера Плинія и Арріана, можетъ быть у мыса Дуобы, который по замѣчательному положенію своему заслуживаетъ названія — „Священ-

наго“. Вѣроятно, здѣсь нужно искать „Калолимену“ или „хорошую гавань“ *).

Г. Даринскій указалъ мнѣ еще на большой могильникъ, находящійся въ лѣсу, недалеко отъ селенія, а частію уже занятый вспаханной пашней. Среди маленькихъ кургановъ находился въ лѣсу и курганъ значительныхъ размѣровъ, о которомъ мой спутникъ сообщилъ мнѣ, что въ народѣ ходили уже слухи о давнишней находкѣ въ немъ оружія. Я условился съ г. Даринскимъ на возвратномъ пути изъ Геленджика произвести раскопки этого могильника, для чего и просилъ его заготовить мнѣ рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей—грековъ, съ языкомъ которыхъ онъ успѣлъ хорошо ознакомиться.

Еще въ первое свое путешествіе вмѣстѣ съ Н. В. Никитинымъ изъ Новороссійска въ Геленджикъ я замѣтилъ, не доѣзжая версть семи до послѣдняго, у большой дороги въ полѣ едва замѣтное возвышеніе съ ребрами каменныхъ плитъ, выдающихся немного надъ поверхностью и образующихъ форму квадрата. Осмотръ этого мѣста тогда же убѣдилъ меня, что это долмень-циста или ящикъ. Невдалекѣ отъ этого ящика я замѣтилъ другой, подобный, но нѣсколько меньшаго размѣра. Тогда же при первомъ удобномъ случаѣ я рѣшилъ изслѣдовать одинъ изъ этихъ долменовъ. Въ описываемую поѣздку я имѣлъ возможность приступить къ этой раскопкѣ, нанявъ рабочихъ въ Геленджикѣ.

Долмень-циста или погребальный ящикъ, самый большой изъ двухъ, находился въ центрѣ землянаго возвышенія, напоминавшаго расплывшійся невысокій курганъ; земля, окружая высоко стѣнки плитъ, оставляла на виду только ихъ верхніе края,—въ высоту не болѣе четверти аршина. Плиты, образующія ящикъ, были неравной длины; двѣ болѣе длинныя плиты, лежація параллельно, заключали въ себѣ какъ-бы перегородки—другія двѣ болѣе короткія плиты, образующія своими пересѣченіями почти правильный квадратъ.

Длина первыхъ, болѣе длинныхъ плитъ,— $3\frac{1}{2}$ метра, а длина вторыхъ—1 м. 70 сантим.

Что касается размѣровъ самаго ящика, то самыя длинныя стѣнки его имѣютъ 2 метра длины и длиннѣе поперечныхъ на 30 сантиметр. Плиты изготовлены изъ слоистой породы мѣстнаго камня, обыкновенно называемаго жителями „трескуномъ“ и принадлежащаго къ слоистымъ мергелевымъ породамъ, оттого и края его неправильны—вывѣтрившись

*) «Цемесская бухта» ст. Тетбу де Мариньи въ Запискахъ Одесскаго Общества Истори и Древностей, томъ III, 1853 г.

и зазубрились. Очень возможно, что плиты эти не подвергались обработкѣ, а поставлены въ ихъ природномъ видѣ, или, если и подвергались обработкѣ, то весьма мало; и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть указанія на древность памятника, такъ какъ всѣ видѣнные мною мегалитическіе памятники этого края сдѣланы изъ камня твердаго, песчаника, и весьма рѣдко изъ известняка. Своими длинными плитами ящикъ обращенъ отъ 30 къ NW (табл. III, рис. 2).

Уже при снятіи самага верхняго слоя можно было замѣтить, что крыша ящика или верхняя плита, разломанная на части, провалилась внутрь гробницы; большіе и малые куски этой верхней плиты, смѣшавшись съ наплывшей внутрь землей, составили чрезвычайно плотный слой, значительно мѣшавшій правильности раскопки, а болѣе массивныя части крыши требовали большихъ усилій—чтобы извлечь ихъ изъ внутренности гробницы. По снятіи слоя земли и камней на одну четверть, въ углу, обращенномъ на востокъ, стали попадаться кости черепа, раздавленнаго, вѣроятно, паденіемъ крыши. Нѣсколько ниже черепа, по направленію къ NW, вдоль стѣнки, шли позвонки, а кости ногъ отъ послѣднихъ позвонковъ поворачивали подъ прямымъ угломъ къ SW. У сѣверо-восточной стѣнки, ближе къ сѣверному углу, оказались кости другаго черепа, также раздавленнаго, а позвонки, лежавшіе ниже уровня черепа, почти на четверть, шли вдоль стѣнки по направленію къ противоположному углу; кости ногъ, составляя прямой уголъ съ линіей расположенія позвонковъ, поворачивали къ югу, такъ что сходились близко съ оконечностями перваго скелета. Вообще по всему расположенію костей можно съ полной увѣренностью предположить, что оба покойника были погребены въ сидячемъ положеніи, прислоненные спинами къ стѣнкамъ цисты: въ самомъ дѣлѣ если бы оба покойника были погребены въ лежачемъ положеніи—какъ часто находятъ въ цистахъ—то въ такомъ случаѣ кости черепа и всего скелета находились бы на одной плоскости и притомъ кости ногъ были бы въ изогнутомъ положеніи, но ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не замѣчалось; напротивъ, кости черепа лежали выше остальныхъ костей скелета, на слоѣ земли, нанесенной водой, вѣроятно, еще до паденія крыши. Дно же цисты было также изъ плиты. Правда, щебень и мелкіе осколки крыши, слежавшіеся плотно съ землей, сильно затрудняли детальную очистку костей и въ особенности позвонковъ, но всетаки можно было легко замѣтить, что позвонки не лежали въ обычномъ порядкѣ и на одной плоскости.

Рис. 1

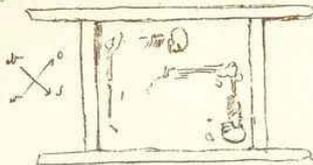
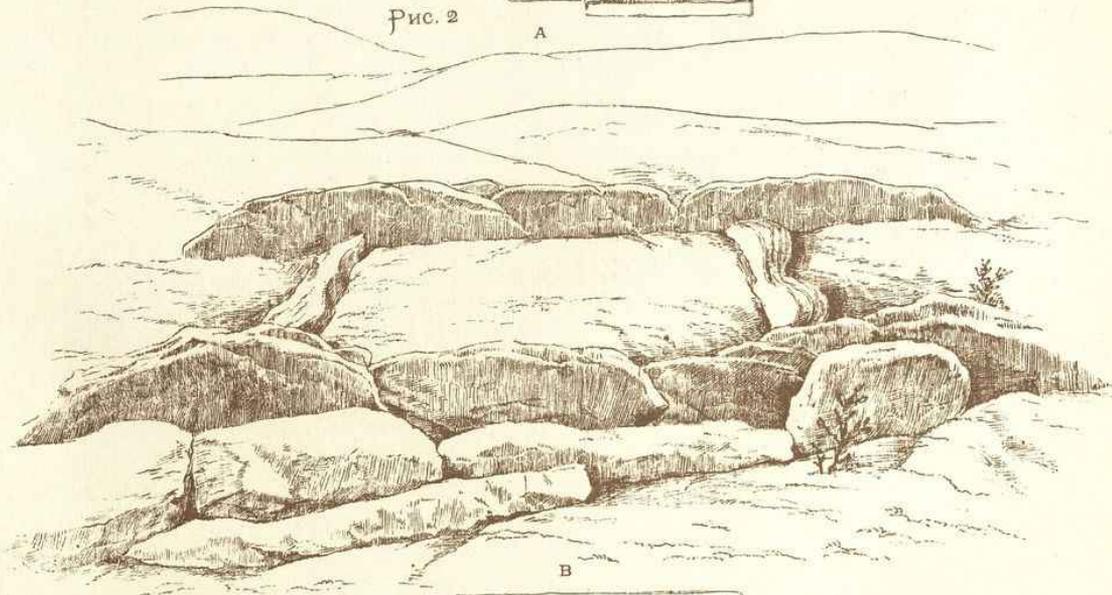
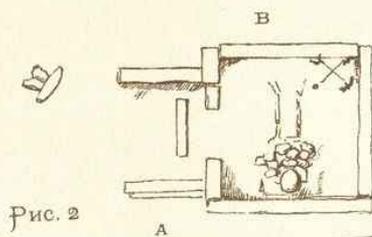
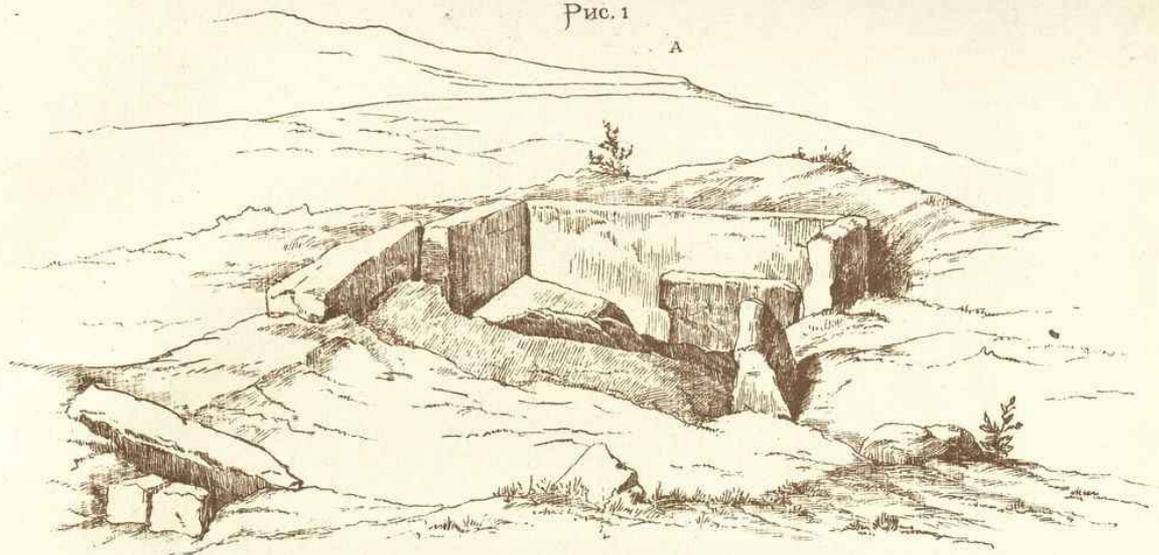

Рис. 1 а Гробница-циста. (Ст. Натух.) в Лань цисты.

Рис. 2 а Гробница-циста. Геленджикъ. в Лань цисты.

У каждаго костяка находилось по небольшому сосудику изъ черной глины, но, къ сожалѣнiю, оба сосудика были разбиты въ мелкiе черешки; можно сказать однако, судя по черепкамъ, что они имѣли форму кубышки и не имѣли рѣзко выраженнаго доньшка, и каждый имѣлъ одну ручку (фот. IX, 3—10).

Что касается другихъ вещей, то онѣ нашлись исключительно у перваго скелета и представлены на приложенной фототипiи. Прежде всего была найдена каменная привѣска съ сверлиной; привѣска имѣетъ форму клина, сточеннаго въ лезвiе къ одному концу; на противоположномъ концѣ находится сверлина, образованная двумя конусообразными выемками, сходящимися своими вершинами. Лезвiе клина тупое и не имѣетъ характера рѣзущаго орудiя; орудiе это слишкомъ мало по размѣрамъ, такъ что не могло служить мусатомъ или брускомъ, тѣмъ болѣе, что и форму клина для этой цѣли нельзя считать удобной (фот. IX, 12)

Размѣры орудiя и сверлина указываютъ скорѣе на то, что орудiе носилось, какъ амулетъ или украшенiе. Подобнаго рода украшенiя, представляющiя въ малыхъ размѣрахъ какое-либо подобное орудiе, какъ извѣстно, встрѣчаются въ эпоху т. н. „каменнаго вѣка“. Орудiе сдѣлано изъ темнаго съ сѣро-зеленымъ отбѣнкомъ твердаго камня, вѣроятно, диорита и поверхность его отполирована.

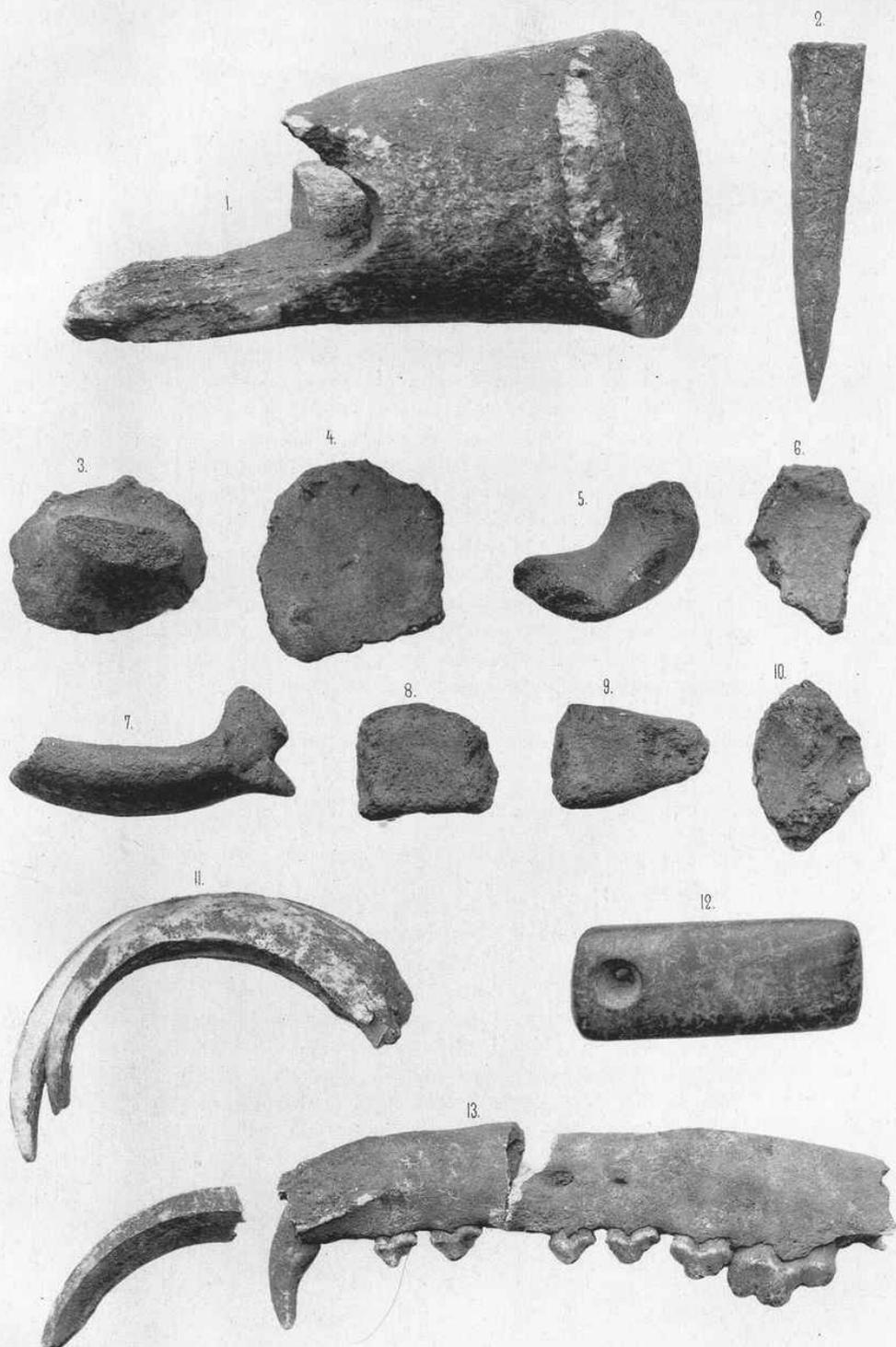
Особенно характернымъ для извѣстной эпохи можно считать отрѣзокъ оленьяго рога съ прекрасно сохранившимся переречнымъ отверстиемъ, хотя съ одной стороны часть отверстия отломана вмѣстѣ съ другимъ концомъ рога (фот. IX, фиг. 1).

Не смотря, однако, на эту недостающую часть, является все-таки полная возможность возстановить какъ полную форму, такъ и значенiе этого орудiя, прибѣгая для этой цѣли къ помощи сравненiй съ подобными находками въ другихъ мѣстахъ. Такъ, напр., въ изданiи Мортилье — „Musée préhistorique“ (par Gabriel et Adrien de Mortillet, Paris, 1881) можно замѣтить совершенно подобное-же орудiе изъ оленьяго рога, относимое авторомъ преимущественно къ долменамъ неолитической эпохи (Planche XL VIII). Представляемый мною рисунокъ (рис. 13)

взятъ изъ этого сочиненiя, гдѣ подъ № 444 находится слѣдующее его описанiе: „Nache en pierre polie, dans une gaine à douille en corne

Рис. 13.

ОБЪЯСНЕНІЕ ФОТОТИПІЙ *).

Фототипія ІХ.

Вещи изъ долмена-дисты, близъ Геленжина.

1. Молоть изъ оленьяго рога съ частью отверстія для насадки на палку
2. Костяное четырехгранное остріе.
- 3, 5, 7. Фрагменты отъ ручекъ сосудовъ изъ черной глины.
- 4, 6, 8, 9, 10. Фрагменты отъ сосудовъ.
11. Кабаній клыкъ.
12. Полированный клинъ или привѣска изъ темнаго камня.
13. Челюсть собаки.

de serf; manche en bois“. Другой рисунокъ взятъ изъ сочиненія Карталяка (рис. 14) *).

Такимъ образомъ, можно съ полной достовѣрностью утверждать, что поперечное отверстіе найденнаго рога служило для вставки деревянной палки или рукоятки, а на отломаномъ концѣ рога находилось отверстіе для вставки каменнаго топора или клина. Принадлежность этого орудія къ неолитической эпохѣ каменнаго вѣка подтверждается находкой упомянутой выше полированной привѣски изъ діорита.

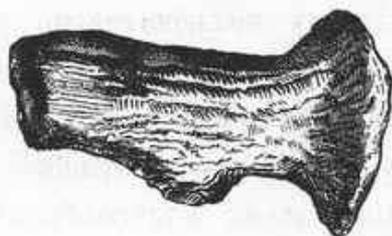

Рис. 14.

На той-же фототипіи (фиг. 2) представлено четырехгранное костяное шило съ небольшой сверлиной въ тыльѣ. Кабаній клыкъ (фиг. 11) и половина челюсти собаки или, быть можетъ, лисицы (фиг. 13) завершаютъ мои находки въ этомъ долменѣ.

Другой сосѣдній долмень оставленъ мною неизслѣдованнымъ — за позднимъ временемъ.

Для удобства сравненія, желая въ своемъ отчетѣ сосредоточивать, по возможности, однородный матеріаль я, въ настоящую минуту, сдѣлавъ уклоненіе въ сторону отъ моего путешествія въ Геленджикъ, перейду къ описанію моей раскопки другаго долмена-цисты въ другой мѣстности — въ Нотухайской станицѣ. Этимъ описаніемъ будетъ уже исчерпанъ весь матеріаль этого рода памятниковъ.

Натухайская станица находится верстахъ въ 28 на сѣверъ отъ Новороссійска. У самой станицы, къ сѣверу, на склонѣ горы находится долмень-циста, совершенно вросшій въ землю; крышка или верхняя плита давно снята съ него казаками для устройства колодца. Плиты высѣчены изъ прекраснаго камня-дикаря и имѣютъ правильную форму; образуя почти правильный квадратъ, плиты аккуратно примыкаютъ одна къ другой. Стѣна на юго-восточной сторонѣ разломана на двѣ части, изъ которыхъ одна часть ввалилась внутрь ящика, а на другой части, стоящей на мѣстѣ, у отломаннаго края сохранилась половина круглаго отверстія, до 3-хъ вершковъ въ діаметрѣ. Передъ этой стѣной, на разстояніи полъ-аршина, поставленъ перпендикулярно къ землѣ камень, какъ-бы маскирующий это отверстіе; камень этотъ отличается отъ остальныхъ камней тѣмъ, что принадлежитъ къ породѣ мѣстнаго

*) Les ages préhistorique de l'Espagne et du Portugal, par E. Cartailhac. Paris, 1886, p. 202. На стр. 204 авторъ относитъ изображенныя орудія къ эпохѣ до появленія металловъ.

камня „трескуна“, а потому съ теченіемъ времени онъ принялъ неправильно слоистую форму. Къ этой-же юго-восточной стѣнѣ цисты съ внѣшней ея стороны, близко отъ угловъ, перпендикулярно къ стѣнѣ, приставлены двѣ плиты, болѣе толстыя и менѣе правильныя въ сравненіи съ плитами самой цисты. У одной изъ этихъ плитъ, слѣва, видны были слѣды въ родѣ возвышенія отъ лежавшаго здѣсь камня. Вѣроятно, къ этому камню примыкалъ подъ угломъ небольшой камень, подпертый сзади двумя камнями, поставленными на ребро. Расположеніе этихъ частей и самый видъ цисты можно видѣть на приложенномъ рисункѣ и планѣ (табл. III, рис. 1).

Эта система подпиранія камня меньшими камнями, поставленными на ребро, какъ будто указываетъ на то обстоятельство, что камень этотъ въ началѣ не предназначался для покрытія землей, а составлялъ вмѣстѣ съ исчезнувшимъ камнемъ и приставленной внѣшней плитой одну сторону „аллеи“, которая вела къ круглому отверстію гробницы, представляя съ другаго конца загибъ. Другая, приставленная къ стѣнѣ плита и нѣсколько сохранившихся камней представляли, по моему мнѣнію, другую стѣну аллеи. Стѣны цисты, юго-восточная и сѣверо-западная, въ длину имѣли 1 метръ 91 сантим., а другія двѣ боковыхъ стѣнъ — 1 метръ 88 сантим. Направленіе цисты по линіи, идущей вдоль аллеи, опредѣлялось ясно съ юго-востока на сѣверо-западъ.

Земля наполняла внутренность цисты до самыхъ краевъ, т. е. около метра глубины, и состояла по краямъ изъ наноснаго чернозема, а середина представляла плотную глыбу слежавшихся камней, глины и небольшого количества ракушекъ (рис. 15) *).

По снятіи верхняго слоя глины и камней менѣе чѣмъ на четверть стали попадаться уже кости и прежде всего нижняя челюсть и кости черепа. Другія кости верхней части скелета находились ниже, но порядокъ ихъ положенія трудно было услѣдить вслѣдствіе слежавшихся глины и камней, хотя можно было замѣтить, что лежали онѣ не на одной плоскости. Наконецъ, на самомъ каменномъ днѣ цисты находились кости ногъ; эти кости ногъ находились въ прямомъ положеніи

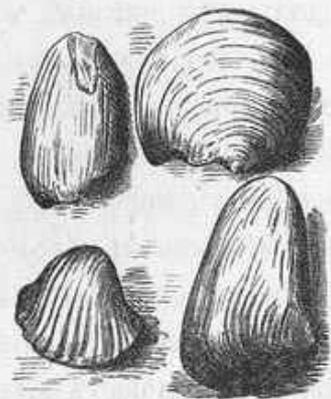

Рис. 15.

*) Нѣкоторые изъ раковинъ опредѣлены В. Д. Соколовымъ „*P. Tapes, Megerle*“ и „*P. Danae, Linné*“; онъ вообще относитъ ихъ къ періоду третичной формации.

и занимали пространство поперекъ цисты, такъ что скелетъ могъ умѣститься только въ сидячемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что разстояніе костей ногъ отъ черепа было около аршина въ высоту. Кости сильно истлѣли и лишены были поэтому оконечностей. Груда камней навалена была на ноги такимъ образомъ, что покойникъ могъ грудью опираться о нихъ, прислоненный спиной къ сѣверо-восточной стѣнѣ цисты. Вещей никакихъ не найдено. На таблицѣ № III, рис. 1, В, представленъ планъ цисты и схематическое положеніе скелета.

Не смотря на то, что вещей не было найдено въ этомъ долменѣ-цистѣ и потому опредѣленіе его древности, хотя-бы по отношенію къ первому долмену (близь селенія Кабардинскаго) является весьма затруднительнымъ, но, припоминая и сравнивая самое устройство обоихъ изслѣдованныхъ долменовъ, мнѣ кажется, нельзя не прийти къ тому заключенію, что первый долмень древнѣе второго и что, слѣдовательно, оба относятся къ неолитическому періоду каменнаго вѣка.

Въ послѣднемъ долменѣ, Натухайской станицы, замѣчается геометрически аккуратная отдѣлка камней и очень ловкое ихъ соединеніе. Самая порода этого камня песчаника не находится въ этой мѣстности, а должно-быть привозная не ближе, какъ за десять верстъ. Въ техническомъ отношеніи обтеска плитъ указываетъ на долговременный навыкъ.

Самое устройство долмена гораздо болѣе сложное, чѣмъ совершенно примитивное устройство перваго долмена, выступающаго далеко своими продольными плитами отъ поперечныхъ плитъ и устроеннаго при томъ изъ плохаго мѣстнаго камня „трескуна“, составляющаго обычный грунтовой слой въ обѣихъ мѣстностяхъ. Нужно было много времени, чтобы путемъ опыта узнать существенные недостатки этого камня т. е.: способность трескаться по слоямъ и крошиться на воздухѣ — прежде чѣмъ забраковать для могильныхъ сооружений этотъ камень и замѣнить его другимъ, привознымъ. Отсутствие вещей при погребеніи не указываетъ, по моему мнѣнію, непременно на древность погребальнаго сооружения, а можетъ служить признакомъ другаго погребальнаго обряда, измененнаго или упрощеннаго временемъ или даже относящагося къ иному племени. Технической очевидный навыкъ въ обработкѣ камней, потребность придавать имъ гладкую поверхность, скорѣй всего позволяетъ отнести второй долмень также къ неолитической эпохѣ.

ХІІІ.

Общія черты погребенія въ курганахъ и характеръ устройства гробницъ.

Желая высказать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно устройства гробницъ и характера погребенія во встрѣченныхъ мною могильныхъ насыпяхъ кавказскаго побережья, я прежде всего обращаю вниманіе на положеніе скелетовъ, оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ устройствѣ гробницъ. Безъ сомнѣнія, вопросъ объ ориентированіи скелетовъ относительно странъ свѣта можетъ имѣть важное этническое значеніе, если онъ выражается только въ ясной формѣ закона. При маломъ количествѣ фактовъ—выводить подобнаго рода законы бываетъ весьма затруднительно и рискованно. Но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ сгруппировать однородные факты и тѣмъ дать возможность, при накопленіи новыхъ фактовъ, произвести впослѣдствіи провѣрку хотя и обобщеніямъ, но пока высказаннымъ лишь въ формѣ предположеній. Можно сказать, на основаніи матеріала, уже изложеннаго въ отчетѣ, что въ мѣстности отъ Геленджика до Цемесской долины включительно ориентированіе скелета преимущественно встрѣчается отъ сѣвера къ югу, но иногда съ уклоненіями до 45° , приблизительно, въ ту или другую сторону отъ этой линіи. Такъ, начиная обзоръ съ юга—у Береговой (раскопанъ одинъ курганъ) положеніе скелета было отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ Геленджикѣ, въ могильникѣ у бухты, не считая кургановъ съ сожженіемъ, былъ раскопанъ также одинъ курганъ съ двумя скелетами; въ которомъ положеніе скелетовъ было отъ сѣвера къ югу. У того же поселенія, въ могильникѣ въ лѣсу поло-

женіе скелетовъ въ трехъ раскопанныхъ курганахъ было также отъ сѣвера къ югу. Въ Мысхако положеніе скелета было отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ Цемесской долині въ одномъ курганѣ положеніе гробницы опредѣлялось отъ сѣверо-запада къ югу-востоку (кости же нѣсколькихъ скелетовъ въ этой гробницѣ находились въ безпорядкѣ). Въ другомъ же, гдѣ могила была высѣчена въ скалѣ, положеніе скелета различалось отъ предшествовавшаго положенія гробницы тѣмъ, что скелеть лежалъ почти съ сѣвера на югъ.

Переходя къ Натухайской станицѣ опредѣленное положеніе скелета можно найти только въ одномъ курганѣ, гдѣ сбоку нашлась всего одна могила, въ которой кости хотя и находились въ безпорядкѣ, но самое положеніе гробницы съ сѣвера на югъ опредѣляетъ возможное положеніе скелетовъ. Въ остальныхъ курганахъ этого могильника никакого опредѣленнаго положенія скелетовъ или гробницъ замѣтить нельзя, такъ какъ каждый курганъ заключалъ въ себѣ нѣсколько гробницъ въ разныхъ направленіяхъ, причемъ, очевидно, то или другое направленіе гробницы зависѣло единственно отъ свободной стороны кургана *). Наконецъ, въ могильникѣ на хуторѣ Кобзы, гдѣ погребеніе отличалось своеобразнымъ характеромъ (всадникъ съ лошадыю) положеніе скелета было съ сѣвера на югъ. Въ Раевской станицѣ скелеть, погребеніе котораго я отношу къ бронзовому вѣку и который найденъ былъ въ глинистомъ краѣ большаго кургана, лежалъ также съ сѣвера на югъ.

Но въ томъ же самомъ курганѣ скелеть, положенный въ деревянномъ срубѣ, лежалъ перпендикулярно къ этому направленію, т. е. съ востока на западъ.

Вообще же положеніе скелетовъ съ востока на западъ пришлось наблюдать въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, а именно, кромѣ вышеупомянутаго случая, въ селеніи Кабардинскомъ въ двухъ разрытыхъ курганахъ оба скелета лежали съ востока на западъ. По дорогѣ въ Мысхако, близъ Новороссійска, въ единственномъ разрытомъ курганѣ положеніе скелета опредѣлялось тѣмъ же направленіемъ. У трехъ скелетовъ не-большаго могильника близъ Ногай-Кале положеніе было также съ востока на западъ. Но въ одномъ курганѣ, какъ я уже упоминалъ въ отчетѣ, кромѣ двухъ скелетовъ, похороненныхъ въ двухъ деревянныхъ колодахъ, находился въ сторонѣ третій скелеть, погребенный подъ рядомъ камней. Его положеніе опредѣлялось съ сѣверо-запада на юго-

*) Квадратъ изъ камней въ такихъ курганахъ со многими гробницами представлялъ своими внутренними сторонами тѣ линіи, по которымъ гробницы ориентировались. Діагонали квадрата совпадали съ линіями съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ.

востокъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи онъ сближался съ вышеописанными скелетами того же направленія.

На основаніи вышеизложенныхъ фактовъ, считаю возможнымъ высказать предположеніе, что обычное положеніе скелетовъ въ этой мѣстности было съ сѣвера на югъ, и что это положеніе, кромѣ того, можно считать традиціоннымъ погребальнымъ обрядомъ изслѣдованнаго края. Такъ, на древность этого обряда указываютъ, между прочимъ, уже упомянутый мною не разъ фактъ погребенія бронзоваго вѣка и только что упомянутое погребеніе подъ камнями въ одномъ изъ кургановъ у городища Ногай-Кале. Этотъ обрядъ связываетъ нѣкоторыя изъ могилъ, которыя можно съ вѣроятностью отнести къ XIV-му столѣтію, съ вышеупомянутыми фактами древняго погребенія въ этомъ краѣ.

Съ другой стороны, положеніе скелета съ востока на западъ преимущественно встрѣчено мною въ тѣхъ могилахъ, которыя смѣло можно отнести къ какому-то пришлому населенію (какъ на исключеніе можно указать только на могильникъ сел. Кабардинскаго). Въ данномъ случаѣ различіе положенія скелета совершенно совпадаетъ съ различіемъ вообще всей погребальной обстановки. Кромѣ того, можно замѣтить, что районъ той мѣстности, гдѣ обозначилось традиціонное для этого края погребеніе (положеніе скелета съ сѣвера на югъ) занимаетъ бѣольшую часть изслѣдованнаго мной пространства, и только на сѣверъ, близъ станицы Раевской, ближе къ Анапѣ, встрѣчаются факты другаго положенія скелетовъ.

Чтобы этотъ признакъ погребальнаго обряда привести въ связь съ другими характерными чертами погребенія, для этого нужно перейти къ описанію устройства гробницъ и самыхъ обрядовъ погребенія.

Каменная гробница представляется самымъ характернымъ способомъ погребенія въ изслѣдованной мною мѣстности Кавказа. Обыкновенно гробница здѣсь имѣетъ форму ящика, длиной, приблизительно, въ ростъ человѣка, и дѣлается или изъ камня-дикаря, получающаго посредствомъ обработки форму правильной плиты, причемъ каждая сторона гробницы состоитъ изъ такой отдѣльной плиты, а крышка представляетъ собою рядъ поперечно положенныхъ плитъ, а иногда одну цѣльную, которая и покрываетъ собою всю гробницу; или же встрѣчаются гробницы изъ мѣстнаго камня—трескуна, и въ такомъ случаѣ, ужъ по свойству самаго камня, плиты не отличаются правильностью формъ. Очень часто плиты на двухъ концахъ гробницы возвышаются надъ уровнемъ боковыхъ плитъ и при этомъ верхушки ихъ обыкновенно имѣютъ неправильную форму. Эти верхушки почти всегда и виднѣются надъ по-

верхностью вершины кургана, указывая ясно направлѣніе самой гробницы *). Иногда же вмѣсто двухъ верхушекъ видѣется тодько одна, стало быть, болѣе высокая, чѣмъ противоположная. Приложенный къ тексту рисунокъ (рис. 51) взятъ изъ изданія Варинга и изображаетъ могильникъ въ Индіи съ оградой изъ камней и съ торчащимъ наверху камнемъ. По внѣшнему виду могильникъ этотъ представляетъ поразительное сходство съ кавказскими.

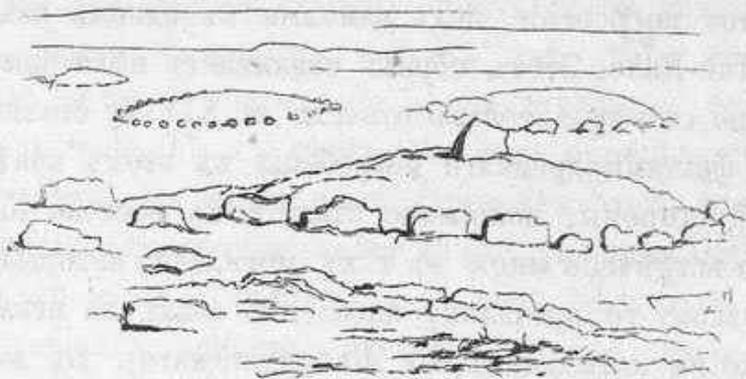

Рис. 51.

Подобнаго рода гробницы помѣщаются всегда на поверхности земли, причѣмъ эта поверхность, какъ-бы помостомъ, выкладывается камнемъ неправильной формы. По краю этого помоста, и, стало быть, по краю курганной насыпи, идетъ рядъ поставленныхъ стоймя камней, съ уклономъ ко внѣшней сторонѣ. Камни эти находятся либо на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, либо представляютъ сплошную стѣнку.

Кромѣ того, иногда изъ этого ряда окружныхъ камней одинъ или два выдѣляются особенно своей высотой до такой степени, что совершенно напоминаютъ менгиры. Такъ, наприм., изображенный на табл. IX, рис. 1, столбообразной формы камень указываетъ направлѣніе гробницы и издали обращаетъ на себя вниманіе. Въ другомъ случаѣ, подобные большіе камни возвышаются съ двухъ сторонъ насыпи, соответственно концамъ гробницы (отчетъ, стр. 91, рис. 18).

Уже представленный мною въ общихъ чертахъ характеръ каменной гробницы даетъ чувствовать въ устройствѣ ея традиціи эпохи мегалитической **).

*) Бываютъ случаи, когда продольныя стѣнки гробницы также видѣются надъ поверхностью кургана, если эти стѣнки поставлены другъ къ другу въ наклонномъ положеніи (гробница по дорогѣ въ Мысхако).

***) Шантръ въ своемъ сочиненіи о Кавказѣ уже указываетъ на это сходство, замѣченное также и граф. Уваровой во время ея путешествія по Кавказу.

Въ самомъ дѣлѣ черты этого сходства проявляются во многихъ случаяхъ:

а) Самая гробница представляетъ собою удлиненный долмень-цисту, иногда даже состоящей изъ пяти обычныхъ плитъ и даже, въ иныхъ случаяхъ, плиты конечныя, а иногда и продольныя, возвышаются надъ уровнемъ земли. Подобнаго рода долмень-циста представлень у Варинга (табл. 64, фиг. 6. Индія *).

б) Круги камней, расположенные по краю кургановъ, напоминаютъ „кромлехи“ и вообще служатъ характернымъ указаніемъ мегалитической эпохи и мегалитическихъ гробницъ. Такъ, напр., въ Нортумберландѣ подобныя ограды окружаютъ могильную насыпь, заключающую въ себѣ урну съ костями (Варингъ, табл. 62, фиг. 3 и 4).

в) Камни въ формѣ менгировъ указываютъ также на привычку къ мегалитическимъ сооруженіямъ. Для примѣра можно указать на изданіе того-же автора (табл. 49, фиг. 7 и 8).

г) Мощеніе поверхности вокругъ гробницы неправильной формы плитками связываетъ самую гробницу съ каменной оградой и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы намекаетъ на то, что насыпка земли не имѣетъ органической связи съ устройствомъ гробницы.

е) Особенно характернымъ признакомъ древности можно считать часто замѣченный мною способъ утвержденія большихъ камней въ вертикальномъ положеніи. Такіе камни, обыкновенно, подпираются съ одной стороны двумя параллельными, поставленными на ребра, плитками, большею частью треугольной формы — формы клина. Но совершенно тотъ-же способъ утвержденія камней встрѣчается въ изслѣдованныхъ мною долменахъ-цистахъ. При многочисленныхъ и ясно выраженныхъ случаяхъ этихъ укрѣпленій камней, нельзя не видѣть въ нихъ уже обычнаго приѣма, бытующаго здѣсь съ глубокой древности и представляющаго традиціонную связь долмена-цисты съ новой гробницей.

ф) Насыпка земли является разнообразной въ смыслѣ высоты кургана, и эта измѣнчивость высоты представляется характернымъ явленіемъ для упомянутыхъ кургановъ. Она указываетъ на тотъ фактъ, что насыпка земли надъ курганомъ не была исконнымъ и опредѣлившимся надолго обычаемъ; такъ насыпка земли на долмень-цисту встрѣчается, напр., въ Швеціи, и указываетъ на болѣе позднюю эпоху этихъ сооруженій; въ статьѣ графа Уварова — „Мегалитическіе памятники въ Россіи“

*) Подобныя ограды встрѣчаются въ такъ называемыхъ «чудскихъ» могилахъ въ Сибири. Въ данномъ случаѣ весьма интересна недавно привезенная коллекція рисунковъ подобныхъ могилъ г. Ядринцевымъ.

(Древн., т. VII, вып. 3), говорится съ ссылкой на Монтелиуса, послѣ описанія долменовъ, не покрытыхъ землей: „Между тѣмъ, когда даже простые долмены, затѣмъ долмены съ галереями и, наконецъ, каменные ящики бывають покрыты насыпью изъ земли или щебня, тогда могилы эти въ Швеціи содержатъ всегда металлическіе предметы“.

Вообще, во всемъ погребальномъ устройствѣ и въ системѣ насыпки земли замѣтно стремленіе не скрывать гробницу, а только прикрыть ее землей. Такая система была практически удобной, если въ гробницу клали кости покойниковъ, умершихъ въ разное время. Въ такомъ случаѣ необходимо было вновь открывать гробницу и всыпать туда кости.

Доступъ къ костямъ нельзя предположить особенно затруднительнымъ, такъ какъ на мѣстонахожденіе гробницы указывали и камни-менгиры, и вершины конечныхъ плитъ гробницы, и мощеная дорога отъ самого края кургана (въ курганѣ Мысхако). Самыя высокія кур-

Рис. 52.

ганныя насыпи встрѣтились въ томъ могильникѣ, гдѣ гробницы располагались у края кургана, а потому, въ данномъ случаѣ, надъ гробницами приходилась небольшой высоты насыпь. Самой низкой насыпью можно считать насыпи въ могилахъ съ двумя менгирами (отчетъ, стр. 91, рис. 18).

g) Кромѣ того, въ могильникѣ Цемесской долины приходилось встрѣчать земляныя насыпи кургановъ, утвержденныя на постаментѣ, сложенномъ изъ каменныхъ, довольно неправильныхъ, плитокъ или изъ длинныхъ осколковъ камня трескуна. Въ общемъ курганы эти довольно сходны по внѣшнему виду съ древними могилами въ Этруріи. Для сравненія прилагаю рисунокъ (рис. 52), изъ издан. Варинга, представляющій некрополь въ Церахъ.

h) Говоря о болѣе обычномъ погребеніи въ каменныхъ гробницахъ въ изслѣдованномъ краѣ, нельзя не упомянуть также и объ исключеніяхъ, т. е. о такихъ фактахъ погребенія, когда скелетъ помѣщался не въ гробницѣ, а просто въ земляной насыпи: въ такомъ случаѣ

онъ лежалъ какъ-бы на помостѣ изъ неправильныхъ плитокъ и сверху прикрывался такими же плитками: какъ я уже упоминалъ, такого рода погребеніе встрѣтилось въ курганѣ близъ сел. Береговой (XIII—XIV в.). Къ болѣе древнимъ типамъ этого-же обряда можно причислить скелеть, погребенный подъ рядами камней въ боку кургана, въ которомъ были найдены ниже и въ срединѣ скелеты воиновъ съ лошадьми (м. у Ногай-Кале). Но особенно яркій фактъ этого рода погребенія мнѣ пришлось встрѣтить въ курганѣ въ самой станицы Раевской: тамъ, въ большомъ курганѣ, въ самомъ центрѣ его, непосредственно надъ скелетомъ, было возведено сооруженіе изъ камней, очень старательно сложенныхъ и представлявшихъ форму выпуклаго кверху овала. Слѣды подобнаго сооруженія изъ рядовъ камней были замѣчены мною и въ центрѣ кургана, занятаго впоследствии (въ XVII в.) другимъ покойникомъ (ст. Раевская). Такого рода погребеніе носитъ, безъ сомнѣнія, слѣды глубокаго архаизма и представляетъ не менѣе древній погребальный обрядъ, но только другаго типа. По моимъ наблюденіямъ, онъ относится къ древнему погребенію въ сѣверной части изслѣдованной мною области.

Такимъ образомъ, всѣ представленные мною частные случаи сходства сравнительно позднихъ погребальныхъ сооружений изслѣдованной мѣстности съ памятниками мегалитической эпохи приводятъ къ убѣжденію, что вообще позднія погребальныя сооружения устраивались здѣсь подъ вліяніемъ древнихъ традицій; но живучесть этихъ традицій объясняется только преемственностью вообще древнихъ обычаевъ среди одной и той же народности, занимавшей испоконъ вѣка одну мѣстность.

Въ данномъ случаѣ архаичность въ устройствѣ гробницъ и вообще обрядовъ погребенія, не доказывая древности этихъ сооружений, — тѣмъ не менѣе связываетъ родствомъ болѣе новыхъ обитателей съ древними, заселявшими этотъ край въ эпоху господства здѣсь мегалитической культуры.

Въ изслѣдованныхъ могильникахъ мнѣ приходилось встрѣчать, какъ было уже описано, курганы съ сложнымъ погребеніемъ, т. е. — въ курганѣ находилась гробница иногда съ патью скелетами, или же встрѣчались курганы, въ которыхъ было нѣсколько гробницъ и въ каждой нѣсколько скелетовъ. Можно ясно было замѣтить, что кости клались сюда безъ мясныхъ частей и въ разное время. Такого рода фактъ объясняется существовавшимъ въ этихъ мѣстахъ обычаемъ — группы умершихъ людей привѣшивать на деревья, откуда ужъ черезъ нѣсколько лѣтъ

кости высыпались въ родственныя могилы. Обрядъ этотъ, о которомъ, между прочимъ, упоминають и древніе писатели *), сохранился до поздняго времени: такъ, атаманъ Раевской станицы былъ свидѣтелемъ въ 60-хъ годахъ, какъ натухайцы похоронили такимъ способомъ своего собрата, убитаго громомъ. Черкесь Кадриковъ точно также утверждалъ, что черкесы вѣшали на деревья трупы убитыхъ громомъ. Такой обычай нельзя не считать уцѣлѣвшимъ древнимъ погребальнымъ обрядомъ, который не потонулъ въ мусульманскихъ вѣрованіяхъ, и въ которомъ еще чувствуются слѣды почитанія бога-громовника.

Съ другой стороны, не смотря на свидѣтельства древнихъ авторовъ, случаи подобнаго погребенія встрѣчались въ моихъ изслѣдованіяхъ исключительно въ могилахъ довольно поздняго типа, такъ отъ XV до XVII в. Напротивъ, въ могилахъ, въ которыхъ только можно было предположить древнее погребеніе, гробницы заключали отъ 2 до 1 скелета, положенныхъ въ совершенномъ порядкѣ. Такого рода несогласіе съ древними писателями можетъ навести на соображеніе, что древніе авторы этихъ извѣстій не имѣли въ виду изслѣдованной мною мѣстности, а писали о другихъ племенахъ Кавказа, обобщая чрезмѣрно встрѣченные ими факты. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что XIII и XIV вв. для сѣвернаго Кавказа были эпохой большихъ передвиженій мѣстныхъ племенъ вслѣдствіе появленія монголовъ въ сосѣднихъ степяхъ.

Почитаніе какого-то божества-громовника черкесами этой мѣстности подтверждается и Беллемъ, который въ своемъ дневникѣ (стр. 77, т. II), рассказываетъ довольно подробно о праздникѣ въ честь „Чиבלѣ“ („Tchiblé“) — божества грома. Въ другомъ мѣстѣ своего дневника тотъ же авторъ рассказываетъ (стр. 63, т. II), о религиозной церемоніи, происходившей по случаю убитой громомъ козы. „...Мы скоро подѣхали къ высокой жерди, утвержденной крѣпко въ землю; на верхушкѣ этой жерди была укрѣплена голова козы, а кожа ея, растянутая на перекладинѣ, колыхалась отъ вѣтра какъ хоругвь. Вблизи находилось что-то въ родѣ плоскаго навѣса, плотно сплетеннаго изъ вѣтокъ и листьевъ, подпертаго четырьмя колыями и окруженнаго крѣпкимъ плетнемъ. Это было священное мѣсто, на которомъ коза, пораженная молніей, удостоилась благодатной смерти. Ея останки, за исключеніемъ вышеупомянутой головы и кожи, были положены подъ навѣсъ. На большомъ разстояніи вокругъ этихъ трофеевъ, помятая и вытоптанная трава указывала на

*) Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ—Ганъ.

мѣсто, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней плясали окрестные жители, мужчины и женщины, въ память той чести, которую оказалъ этой долигѣ Чиблѣ, божество грома.

Такимъ образомъ можно считать положительнымъ фактомъ, что почитаніе бога-громовника сохранялось у Черкесовъ до послѣдняго времени, какъ остатокъ ихъ древнихъ вѣрованій. Ни предполагаемое вліяніе христіанства, ни позднѣйшая мусульманская религія не могли вырвать изъ жизни этого почитанія страшной силы громовника. Проявленіе силы этого божества въ особенности чувствовалось въ томъ случаѣ, когда громовникъ (Чиблѣ) поражалъ на смерть человѣка или животное, такая смерть почиталась благодатной, и человѣка или животное *погребали съ особыми обрядами*, не имѣющими ничего общаго съ господствующимъ мусульманствомъ. Если въ почитаніи Чиблѣ можно видѣть остатокъ древнихъ вѣрованій, то и обрядамъ, связаннымъ съ этими вѣрованіями, нельзя не придавать такой-же древности, хотя, быть можетъ, эти обряды и не сохранились въ первоначальной чистотѣ. Но въ данномъ случаѣ я не имѣю въ виду обращать вниманіе на подробности обрядовъ, предполагая, что съ теченіемъ времени эти подробности могли легко измѣниться, подъ вліяніемъ ли новыхъ вѣроученій, подъ вліяніемъ ли времени. Во всякомъ случаѣ, обряды должны были сохранить въ существѣ своемъ основу какихъ-то древнихъ религіозныхъ вѣрованій. Оставляя въ сторонѣ частности обряда, о которыхъ и нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній, можно однако смѣло предположить, что въ древности языческой такой способъ погребенія былъ *обычнымъ*. Такъ какъ въ открытыхъ мною гробницахъ XIV—XV столѣтія съ нахожденіемъ многихъ скелетовъ въ одной гробницѣ — невозможно предположить никакой связи съ мусульманствомъ или христіанствомъ, то невольно является мысль о связи погребальнаго обряда въ вышеупомянутыхъ гробницахъ съ обрядомъ выставленія тѣла на деревѣ — обряда, сохранившагося до поздняго времени въ исключительныхъ случаяхъ бытующаго какого-то языческаго культа. Ключомъ для пониманія этой связи можетъ служить, по моему мнѣнію, статья гр. Уварова „О курганахъ съ расчлененіемъ“, помѣщенная въ „Трудахъ Тифлискаго Археологическаго Сѣзда“. Въ этой статьѣ, какъ извѣстно, покойный графъ старался объяснить фактъ погребенія скелетовъ, раздѣленныхъ на части — вѣрованіемъ маздаизма. Для подтвержденія своей идеи онъ и приводитъ цитаты изъ Вендидада, въ которой и нашлись данныя для объясненія правилъ погребенія почитателей Заратхустры. Пользуясь этой статьей, я и напому слѣдующія основы погребенія по правиламъ Вендидада.

Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ, что для почтателей ученія Зоратхустры „погребеніе труповъ считалось гнуснымъ преступленіемъ и оскверненіемъ земли. Для избѣжанія этого оскверненія не допускали соприкосновенія труповъ съ священной для нихъ землей, и для этой цѣли строили особыя башни „дакхма“, въ которыхъ трупы выставлялись на *сѣденіе птицамъ*. При этомъ клали покойника, по замѣчанію шестаго фаргарда на такую высоту, до которой не могли доставать ни собаки, ни барсы, ни волки“. (стр. 65).

Далѣе на слѣдующей страницѣ тотъ же авторъ говоритъ: „Возвращаясь къ самому обряду похоронному, надо замѣтить, что когда всѣ мягкія и другія части трупа были сѣдены птицами и, сверхъ того, когда кости окончательно очищены дождевой *водой*, которою ихъ омывалъ Ахура-Мазда, тогда только *очищенныя кости* могли быть погребены въ землю въ нарочно заготовленныхъ могилахъ, называемыхъ „каты“.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ „дакхму“ или башню прекрасно замѣняетъ высокое дерево, на вершины котораго могутъ свободно прилетать плотоядныя птицы, но нѣтъ доступа звѣрямъ.

Годъ спустя послѣ *выставленія* тѣла на деревѣ, когда Ахура-Мазда омоетъ кости обильными дождями—ихъ складываютъ въ особую гробницу, сложенную плотно изъ каменныхъ плитъ, а широкая плита или нѣсколько поперечныхъ закрываютъ гробницу сверху. Такимъ образомъ, изслѣдованныя мною гробницы въ двухъ—трехъ могильникахъ вполне соотвѣтствуютъ „катамъ“ — кости въ эти гробницы, безъ всякаго сомнѣнія, выпалили *расчлененными* — это можно замѣтить и на рисункѣ, зарисованномъ мною съ натуры. Если предположить, какъ предполагалъ и гр. Уваровъ, что для погребенія членовъ одной семьи заготовлялись заранѣе гробницы или „каты“, то будетъ понятно, почему въ одной гробницѣ складывались кости нѣсколькихъ скелетовъ, а такъ же и устройство въ одномъ курганѣ многихъ гробницъ, съ костями нѣсколькихъ скелетовъ въ каждой. Такимъ предположеніемъ объясняется и тотъ фактъ, что въ курганахъ съ нѣсколькими гробницами нѣкоторыя изъ гробницъ оказывались пустыми, но никакъ не разграбленными, такъ какъ ни малѣйшихъ слѣдовъ костей или какихъ-либо вещей въ нихъ не оказалось: очевидно, эти гробницы были *заготовлены* для умершихъ членовъ семьи, но по какимъ-то случайнымъ обстоятельствамъ кости въ нихъ не положены. Со-времени смерти непосредственно скоро могли изготвить „кату“ или гробницу, но въ теченіе года могло произойти много переменъ въ судьбѣ цѣлаго племени въ тѣ воинственныя времена.

На это обстоятельство, между прочимъ, намекаетъ и тотъ фактъ, что подобныхъ каменныхъ гробницъ позднѣ XIV и начала XV вѣка уже не встрѣчается; такъ что на этихъ датахъ описанныя мною погребальныя формы какъ бы замираютъ. Слѣдовательно, позднѣйшей датой для кургановъ съ каменными гробницами можно считать для этой мѣстности—XV вѣкъ; и потому время, приблизительно, съ конца XV до конца XVI или начала XVII вѣка можно считать или временемъ передвиженій какихъ-то, обитавшихъ здѣсь, племенъ или переменъ вообще въ погребальныхъ обрядахъ подъ вліяніемъ какихъ-либо новыхъ вѣрованій.

Такъ какъ мною было выше высказано убѣжденіе, что могильники на хуторѣ Карпенки, на хуторѣ Ткачева, на землѣ Полонскаго, въ Цемесской долинѣ, сохранили въ своемъ погребальномъ устройствѣ ясныя слѣды *маздаизма*, то я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ утверждать, на основаніи пока добытыхъ только мною фактовъ, что этими могильниками и обозначается граница господства иранскихъ погребальныхъ обрядовъ; т. е., другими словами — мѣстность эта отъ Цемесской долины идетъ на сѣверъ и верстъ 15 не доходитъ до Анапы.

При констатированіи этого факта, невольно приходится ставить вопросъ: погребеніе по обрядамъ маздаизма было ли исконнымъ обычаемъ жителей этой мѣстности?

На этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, можно отвѣчать только отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, могильники съ признаками иранскаго погребенія имѣютъ опредѣленную дату, благодаря найденнымъ въ нихъ золото-ордынскимъ монетамъ, а могильникъ въ Цемесской долинѣ, въ тѣхъ гробницахъ, которыя сходны по вещамъ и устройству своему съ датированными, связывается по обрядамъ погребенія съ почитаніемъ Ахура-Мазды. Въ томъ же могильникѣ могила, высѣченная въ скалѣ и закрытая крупнымъ и мелкимъ щебнемъ, по вещамъ возбуждая подозрѣніе въ бѣльшей сравнительно древности, заключаетъ въ себѣ одинъ скелетъ правильно положенный и не представляетъ никакихъ слѣдовъ иранскаго погребенія. Не буду перечислять другихъ примѣровъ — они находятся въ моемъ отчетѣ, но вообще замѣчу, что, на основаніи моихъ изслѣдованій, древнѣе XIV вѣка, въ опредѣленной уже мною мѣстности, слѣдовъ вліянія маздаизма не замѣчается. Это обстоятельство уже даетъ право предположить, что маздаизмъ былъ заноснымъ вѣрованіемъ въ этомъ краю и заносъ его относится къ сравнительно короткому и опредѣленному времени — немного ранѣе и немного позднѣе царствованія хановъ Узбека и Джанибека. Притомъ онъ занесенъ ка-

кимъ-нибудь пришлымъ племенемъ. Въ этомъ убѣждаетъ связь могильниковъ съ монетами золото-ордынскихъ хановъ, притомъ, и что весьма важно — сплошные и большіе могильники съ одинаковымъ погребеніемъ у хутора Карпенки и на землѣ Полонскаго.

Если заносъ маздаизма возможно приписать какому-нибудь пришлому черкесскому племени, то приходъ этого племени могъ совершиться никакъ не съ юга, такъ какъ Цемесская долина, или точнѣе Новороссійская бухта, представляетъ южную границу этого рода погребенія, и далѣе, на югъ, до самой бухты Береговой (или устья рѣки Пшадь) слѣдовъ иранскаго погребенія мнѣ не удалось замѣтить.

Скорѣе всего можно предположить передвиженіе племени съ иранскимъ погребеніемъ съ сѣверо-востока, черезъ Баканскую станицу, откуда уже это племя могло спуститься въ долину между Натухайской и Раевской станицами и изъ этой долины черезъ поперечный хребетъ (прорѣзанный теперь туннелемъ желѣзной дороги) перейти въ долину Цемесскую.

Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ перейти въ эти мѣста, племя это, по всему вѣроятію, должно было обитать гдѣ-нибудь на сѣверномъ Предкавказьѣ, ближе къ Каспійскому морю, откуда движеніе монголовъ въ XIII столѣтіи могло быть причиной его дальнѣйшихъ передвиженій въ западномъ направленіи.

Можно предположить, что на сѣверномъ Кавказѣ вліяніе маздаизма, гдѣ оно только замѣчалось, скорѣе всего началомъ своимъ обязано эпохѣ сассанидовъ *). Чтò же касается южнаго побережья Чернаго моря, то, кромѣ древнихъ писателей, которые говорятъ о погребеніи на деревьяхъ **), — о томъ же самомъ обрядѣ упоминаютъ и новѣйшіе писатели.

Такъ относительно Абхазіи монахъ Жанъ де Люкъ (1625 г.) говоритъ слѣдующее:

„Покойниковъ кладутъ въ выдолбленные пни деревъ, служащіе для нихъ гробомъ, и потомъ, привязавъ ихъ (отъ шакаловъ) къ четыремъ столбамъ, держатъ ихъ какъ-бы висящими на воздухѣ“.

О погребальныхъ обычаяхъ въ той же странѣ говоритъ и патеръ Ламберти (въ томъ же столѣтіи):

„Между прочими обычаями этого народа замѣчательно то, что они

*) На вліяніе этой эпохи намекаетъ, между прочимъ, головной уборъ, украшенный золочеными вышуклыми изображениями (фототипія XIII, рис. 1).

**) Эліанъ: «Колхи кладутъ мертвыхъ въ кожи, зашиваютъ ихъ и вѣшаютъ на деревьяхъ». (Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. — Гавъ, стр. 162).

ни погребаютъ, ни жгутъ тѣло покойника, а кладутъ трущъ въ выдолбленный стволъ дерева, который служитъ гробомъ. Послѣдній съ молитвой привязываютъ виноградной лозой къ высочайшей вѣтви какого-нибудь большаго дерева. Они привѣшиваютъ также оружіе и одежду усопшаго и, чтобы послать на тотъ свѣтъ коня, гоняютъ его во всю прыть отъ этого дерева до тѣхъ поръ, пока тотъ не околѣетъ“... „Я ничего не скажу, добавляетъ авторъ, объ Аланахъ и Зихахъ по той причинѣ, что по образу жизни они похожи отчасти на Сванетовъ и Абхазцевъ“.

Наконецъ царевичъ Вахушта въ своей „Географіи“ говоритъ о томъ же абхазскомъ народѣ: „...au lieu d'enterrer leurs morts, ils les revêtent de leurs habits et de leurs armes, les enferment dans des boites et les exposent sur les arbres“.

Эти указанія древнихъ и новыхъ писателей даютъ полное право предполагать, что вліяніе иранской религіи въ этой части Кавказа съ глубокой древности оставило сильныя слѣды. Что же касается до той части кавказскаго побережья, въ которой мною были изслѣдованы могильники, то, какъ я уже упоминалъ, замѣченные мною слѣды маздаизма относятся къ сравнительно поздней эпохѣ и захватываютъ только опредѣленную часть пространства.

Прослѣдить же по сѣверному Кавказу слѣды этого маздаизма въ погребальныхъ обрядахъ той мѣстности и связать ихъ со встрѣченными мною фактами—я считаю въ данномъ случаѣ задачей настолько сложной, что одно собраніе фактовъ вывело бы меня изъ рамокъ моего отчета, а потому въ настоящемъ случаѣ я ограничусь пока только высказанными предположеніями.

Но мнѣ предстоитъ еще на основаніи моихъ археологическихъ изслѣдованій въ этой мѣстности опредѣлить связь описанныхъ мною могильниковъ съ тѣмъ населеніемъ черкесовъ, которое недавно только переселилось въ Турцію, при чемъ мои замѣчанія будутъ касаться только нухайцевъ, такъ какъ собранныя мною этнографическія свѣдѣнія касаются только этого племени. Свѣдѣнія эти получены мною отъ упомянутаго уже нухайца Кадрикова и проверены въ станицѣ Суворовской, у живущихъ тамъ черкесовъ. Какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, но все-таки онѣ, быть можетъ, могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на рѣшеніе поставленнаго мною вопроса и во всякомъ случаѣ интересны въ томъ отношеніи, что, относясь къ изслѣдованной мною мѣстности, служатъ дополненіемъ самаго отчета.

Однѣ изъ этихъ преданій относятся къ извѣстнымъ мѣстамъ и уро-

чищамъ; другія рассказываютъ о нартахъ или богатыряхъ, связывая ихъ память съ какой-либо мѣстностью.

Мѣстность Раевской и Натухайской станицъ, заселенная прежде натухайскимъ племенемъ, отдѣляется хребтомъ горъ—продолженіемъ Варадахскаго хребта — отъ бассейна рѣки Кубани. Тамъ, гдѣ находится Баканская станица и гдѣ теперь станція Перевальная, существуетъ естественный переваль въ область Кубани *). Далѣе, на сѣверъ, гдѣ хребетъ понижается, приближаясь къ самой р. Кубани, открывается другой проходъ въ область этой рѣки. Отъ станицы Натухайской, въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣверъ, по направленію къ станицѣ Гостагаевской, на высокому холмѣ, находятся развалины древней крѣпости или замка. Мнѣ не удалось доѣхать до этого замка: сильный ливень заставилъ меня вернуться назадъ, а въ другой разъ, къ большому сожалѣнію, не удалось выбрать времени для новой поѣздки. Замокъ этотъ, по словамъ Кадрикова, назывался у Черкесовъ— „Гудень-Кале“, причемъ Кадриковъ пояснилъ мнѣ, что слово „Гудень“ означаетъ очень древній народъ, который построилъ этотъ замокъ (Готы?) и жилъ въ этомъ краю до Черкесовъ, притомъ народъ этотъ не черкесскій. Тѣмъ не менѣе, у Черкесовъ съ этимъ замкомъ связано слѣдующее преданіе *о нартахъ*: въ крѣпости Гудень-Кале (или Гуда-Кале), рассказывалъ Кадриковъ, жили нарты и они владѣли чудесной *плетью* и *башлыкомъ-скороходомъ*: стоило только ударить плетью о землю, и тотчасъ явится все, чего не пожелаешь, а башлыкъ скороходъ быстро переносилъ человѣка въ далекое мѣсто **). Другимъ нартамъ, жившимъ внѣ крѣпости, захотѣлось завладѣть этими двумя чудесными вещами, и они подъ начальствомъ своего царя осадили эту крѣпость. Осада длилась долго, но проникнуть въ крѣпость осаждающимъ не удавалось; тогда одинъ *слабый* нартъ, но *хитрецъ* обѣщавъ царю достать чудесныя вещи изъ крѣпости, если только царь, посредствомъ выстрѣла изъ пушки, переброситъ его въ крѣпость. Царь согласился, и хитреца-нарта посредствомъ выстрѣла изъ пушки перебросили въ крѣпость. Нартъ-хитрецъ, очутившись въ крѣпости, дѣйствительно захватилъ обѣ чудесныя вещи, но однако царю ихъ не отдалъ, а съ этими вещами и самъ скрылся.

Такимъ образомъ, въ фантазіи Натухайцевъ, крѣпость Гудень-Кале имѣетъ свою маленькую исторію: основаніе крѣпости приписывается очень древнему иноплеменному народу (Готамъ—по объясненію Кадри-

*) Настоящая желѣзная дорога и проведена именно этимъ путемъ.

***) Нашъ коверъ-самолѣтъ.

кова), въ ней живутъ нарты, обладающіе чудесными предметами и, когда они утрачиваютъ эти чудесныя вещи вслѣдствіе хитрости слабаго нарта, народная фантазія забываетъ о дальнѣйшей судьбѣ этой крѣпости, и забываетъ, послѣ того, когда физически слабый, но хитроумный нартъ беретъ перевѣсъ надъ нартами-богатырями. Но съ этими *хитроумными*, новой породы, нартами мы встрѣтимся еще въ преданіяхъ натухайцевъ.

Какъ-бы ни казалось новымъ это преданіе по своимъ подробностямъ, въ основѣ его все-таки слышится столкновеніе двухъ культурныхъ слоевъ и сознательное отношеніе къ превосходству умственной силы надъ физической. Какія-то *древнія* столкновенія съ чужой культурой должны были поколебать обычную вѣру грубаго народа въ физическую силу.

Совсѣмъ другимъ характеромъ, чуждымъ всякаго эпическаго творчества, отличаются отношеніе Натухайцевъ къ другой крѣпости— „Ногай-Кале“. Никакихъ преданій объ этой крѣпости не существуетъ, а построеніе ея приписывается—*ногайцамъ*. Въ этой кличкѣ слышится только реальный историческій фактъ—господство Ногайцевъ въ этихъ мѣстахъ, оставившее по себѣ твердую память въ сосѣднихъ черкесскихъ племенахъ. О господствѣ Ногайцевъ говорятъ и путешественники, а время этого господства можно отнести къ XVI—XVII вѣкамъ. Не ранѣе этого періода у Черкесовъ должно было сложиться представленіе объ этой древней крѣпости, какъ о крѣпости *ногайской*. Произведенныя мною раскопки этой крѣпости показали, что никакихъ слѣдовъ *ногайства* въ ней не существовало, а стало-быть названіе *ногайской*, быть можетъ, дано послѣ ухода Ногайцевъ изъ этихъ мѣстъ и послѣ занятія означенной мѣстности Натухайцами. Въ данномъ случаѣ неизвѣстное для народа древнее сооруженіе приурочено къ послѣдней исторической борьбѣ, оставившей въ памяти народной еще свѣжіе слѣды. Такъ часто бываетъ съ археологическими памятниками и въ другихъ мѣстахъ и у другихъ народовъ: „Мамаево поле“, „Мамаевъ курганъ“ очень часто встрѣчаются на Дону; въ Смоленской губерніи древніе курганы, по убѣжденію крестьянъ, насыпаны французами въ 1812 году.

Но возвращаюсь къ преданіямъ Натухайцевъ.

Перевальная гора, на которой расположены двѣ станицы Старо-Баканская и Ново-Баканская, называется — „Чугуледжъ“ (бѣлая лошадь). По словамъ Кадрикова у Натухайцевъ сохранились преданія объ уходѣ народа съ этой горы. На дорогѣ, пересекающей эту гору, находитесь, по словамъ Кадрикова, большой курганъ, который прозванъ черкесами—„Забвеніемъ“, и прозвали его такъ по слѣдующему поводу:

одинъ черкесь долженъ былъ ради кровавой мести убить другаго; съ этой цѣлью онъ поѣхалъ по Баканской дорогѣ, зная, что нѣдругъ его поѣдетъ по той-же дорогѣ на встрѣчу; но встрѣтились они у самаго кургана и другъ друга не замѣтили, потому что одинъ объѣзжалъ курганъ съ одной стороны, а другой съ противоположной. Такъ курганъ загородилъ соперниковъ, и они разъѣхались, и мести не было.

Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, преданіе подчеркиваетъ значеніе этой Баканской дороги, соединяющей двѣ важныхъ мѣстности—бассейнъ Кубани съ страной приморской: Баканская дорога, такимъ образомъ, служить связующимъ звеномъ между сѣтями дорогъ въ каждой изъ этихъ мѣстностей—на ней можно встрѣтиться, но, разъѣхавшись, трудно уже ожидать встрѣчи. Что-же касается до названія „Чугуледжъ“, то врядъ-ли его нельзя приурочить къ тому-же кургану, такъ какъ у Черкесовъ „бѣлая лошадь“ появляется иногда надъ курганомъ.

Какъ преданіе о Гуденъ-Кале, такъ и преданіе о Баканской дорогѣ относятся къ путямъ передвиженія изъ области Кубани въ приморскую.

Собственно къ приморской или Натухайской области относится одно, уже рассказанное мною выше, преданіе о св. Георгіи (Газыръ-Тали), разсѣкшемъ камень, находящійся недалеко отъ Раевской станицы. Вспоминая это преданіе и сравнивая его, напр., съ преданіемъ о Гуденъ-Кале, можно замѣтить въ основѣ полное отсутствіе родства между ними. Такъ, преданіе о Гуденъ-Кале выставляетъ на видъ хитроумность и плутоватость героя преданія. Св. Георгій, въ другомъ преданіи, проклиная за воровство—„Вы всегда будете *воры*“. Здѣсь уже слышится христіанская мораль, связанная съ именемъ того святаго, котораго искони почитали на черноморскихъ берегахъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ такъ могли говорить пророки, а въ новыя времена—проповѣдники-моралисты. Мнѣ кажется, что вообще такого рода преданіе не могло образоваться въ средѣ Натухайскаго народа—оно относится къ чужой народности, потому что только чужакъ могъ заклясть ихъ на вѣчное воровство.

Въ Имеретіи приходилось слышать о мингрельцахъ, что они украли калабаны (башмаки) даже у Апостола Андрея Первозваннаго. Невозможно думать, чтобы сами мингрельцы были авторами этого обиднаго для нихъ измышленія. Но, чтобы ближе познакомиться съ характеромъ натухайскихъ преданій, мнѣ остается передать рассказы о нартахъ, неприуроченные уже къ извѣстной мѣстности.

Жили были четыре брата—нарты; узнали они, что по близости отъ нихъ живетъ *сильный нартъ* и рѣшились тогда погубить своего сильного сосѣда, для чего и пригласили его къ себѣ на пиръ. Когда пріѣ-

халь сильный нартъ къ четыремъ братьямъ въ гости, то на столъ подали большой сосудъ, наполненный *брагой*, но въ сосудѣ была также и змѣя. Тогда старшій изъ братьевъ сказалъ, что пить брагу прежде всѣхъ долженъ гость молодой, который въ первый разъ пріѣхалъ въ гости (хозяинъ не зналъ, что пріѣхавшій былъ его сынъ). Гость дѣйствительно сталъ пить брагу и зубами раздавилъ змѣю. Выпивши всю брагу, онъ пустой сосудъ съ раздавленной змѣей показалъ хозяевамъ и этимъ обличилъ ихъ коварство. Потомъ въ гнѣвѣ онъ выгналъ всѣхъ хозяевъ за дверь. Испуганные братья рѣшились разойтись въ разныя стороны, подалше отъ такого опаснаго сосѣда.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что въ этомъ разсказѣ слышится основной мотивъ расселенія племень.

Слѣдующее преданіе о другомъ молодомъ нартѣ не только разсказывается, но и поется въ пѣснѣ.

Жили два нарта; одинъ изъ нихъ убилъ другаго. У убитаго остался маленькій сынъ, незнавшій ничего о судьбѣ своего отца. Играя часто съ „простыми“ дѣтьми, онъ сталъ обижать ихъ; потому что былъ сильнѣе всѣхъ. Однажды одинъ изъ старшихъ по возрасту мальчиковъ сказалъ маленькому нарту: „Что ты все насъ обижаешь! лучше бы ты отомстилъ за смерть своего отца“. Тогда только мальчикъ-нартъ узналъ, что его отецъ кѣмъ-то убитъ, и мальчикъ отъ этой новости очень огорчился. Онъ пришелъ домой и просилъ у матери дать ему поѣсть; мать подала ему горячій кисель на сковородѣ, сдѣланный изъ овсяной муки. Мальчикъ схватилъ руку матери и хотѣлъ опустить эту руку въ горячій кисель... „Что ты дѣлаешь? закричала мать, вѣдь ты обожжешь мнѣ руку!“ — Да, я обожгу ее, если ты мнѣ не скажешь, кто убилъ моего отца—я хочу отомстить!“ Мать тогда открыла сыну, что убійца его отца—старый и сильный нартъ. Сынъ взялъ тогда вооруженіе отца и поѣхалъ отыскивать этого стараго нарта. И вотъ въ то же время старый одноглазый нартъ сталъ во снѣ вздрагивать и пугаться. „Чего ты пугаешься?“ спрашивала стараго нарта его жена.—Я убилъ одного нарта—своего врага—отвѣчалъ тотъ,—у него остался маленькій сынъ и однако я чувствую что онъ вѣрно и идетъ на меня!“

Оба нарта, старый и молодой, сошлись въ степи и три дня пускали другъ въ друга стрѣлы—тогда ружей не было.

У стараго нарта былъ чудесный *камень*, которымъ онъ натиралъ свои раны—и раны тотчасъ заживали. У маленькаго нарта такого камня не было, оттого онъ отъ полученныхъ ранъ на третій день изнемогъ. Тогда старый нартъ привязалъ его къ хвосту своей лошади

и такимъ образомъ приволокъ его домой, гдѣ и бросилъ его въ своемъ дворѣ съ тѣмъ, чтобы плѣнника растерзали собаки. Когда старый нартъ вошелъ въ свою саклю, то жена спросила у него, кого онъ привезъ. — „Собаку, и отдалъ собакамъ!“ отвѣчалъ тотъ. Когда мужъ заснулъ, жена тайкомъ отправилась во дворъ и увидала тамъ израненнаго молодого нарта. — „Знать онъ сильный нартъ, если мой мужъ бился съ нимъ“ подумала она. Ей стало жалко молодого нарта, и она тайно принесла ему тотъ чудесный камень, которымъ мужъ исцѣлялъ свои раны. Благодаря тому камню, мальчикъ скоро выздоровѣлъ, а она тайкомъ держала его въ ясляхъ. Между тѣмъ мужъ опять сталъ во снѣ просыпаться и вскрикивать. „Что ты вскрикиваешь?“, успокоивала его жена, „вѣдь молодого нарта съѣли собаки“. „Я чувствую, что на меня идетъ врагъ“, говорилъ мужъ. Когда старый нартъ заснулъ, молодой нартъ вошелъ въ спальню, схватилъ мечъ и стрѣлы хозяина и убилъ его.

Чудесный камень, который имѣетъ свойство исцѣлять раны, относится къ характернымъ преданіямъ востока, гдѣ съ глубокой древности замѣчается вѣра въ силу разныхъ чудесныхъ камней.

Въ преданіяхъ натухайцевъ, кромѣ нартвъ-богатырей, представителей физической силы, существовали хитрецы—Савъ-Сераки. Къ такимъ типамъ хитроумныхъ Савъ-Сераковъ относится и хитрый герой разсказаннаго уже мною преданія о крѣпости Гуденъ-Кале. Но между Савъ-Сераками въ особенности славился хитроумный Асереджъ. Про него преданіе разсказываетъ слѣдующее.

Жили вмѣстѣ три—четыре Савъ-Серака, и вотъ узнали они, что противъ нихъ идетъ сильный нартъ, съ которымъ имъ, пожалуй, и не справиться. Тогда они обратились къ хитроумному Асереджу, прося избавить ихъ отъ предстоящей бѣды. Асереджъ обѣщался исполнить ихъ просьбу и самъ отправился на встрѣчу къ враждебному богатырю—нарту. Встрѣтивъ на дорогѣ этого нарта, Асереджъ сталъ его увѣрять, что безумно идти ему противъ Савъ-Сераковъ, а лучше прежде испробовать свою силу. — „Какъ же испробовать?“ спросилъ довѣрчивый богатырь Асереджа. „Наноси соломы въ рѣку столько,“ продолжалъ Асереджъ, „чтобы этой соломы хватило до верху воды, а самъ стань тогда въ воду по шею и напусти туда такого холода, чтобы вся вода замерзла. Если тогда сможешь вылѣзти изъ рѣки, то, значить, ты можешь смѣло совладать съ Савъ-Сераками.“ Богатырь - нартъ исполнилъ все, что совѣтовалъ Асереджъ, но когда напустилъ холода, то самъ примерзъ въ этой водѣ по шею. Тогда Асереджъ сказалъ братьямъ о положеніи нарта, и тѣ тотчасъ прибѣжали и отрубили нарту голову.

Какъ въ первомъ преданіи, такъ и въ этомъ слышится сочувствіе не къ физической силѣ нарта, а къ хитроумію вѣщаго Асереджа. Вообще, сознание превосходства умственной силы надъ физической выражается въ обоихъ преданіяхъ.

Нужно замѣтить при этомъ, что Асереджъ пользуется до сихъ поръ особой любовью черкесовъ. Когда въ станицѣ Суворовской, желая провѣрить рассказы Кадрикова, я спросилъ собравшихся черкесовъ объ Асереджѣ, то они наперерывъ и съ восторгомъ торопились рассказать мнѣ о его подвигахъ.

Предоставляя специалистамъ сдѣлать подробную оцѣнку собраннаго мною матеріала о нартахъ, я считаю умѣстнымъ въ заключеніе отчета упомянуть еще о нѣкоторыхъ памятникахъ, которыхъ мнѣ хотя и не удалось изслѣдовать, но съ которыми все-таки пришлось познакомиться.

Возлѣ Натухайской ст., по направленію къ юговостоку, въ болотистой равнинѣ, поросшей густымъ кустарникомъ, замѣчено мною сооруженіе, напоминающее основаніе конуса, составленное изъ весьма большихъ призматической формы камней, положенныхъ уступами и имѣвшихъ форму лѣстницы.

Памятникъ этотъ потерпѣлъ большое разрушеніе.

Подобнаго рода сооруженіе, но болѣе значительной высоты, я встрѣтилъ также на горной верховой дорогѣ, ведущей изъ Натухайской ст. въ область р. Кубани. Этотъ уступчатый курганъ находился на краю обрыва; многіе камни не находились на своихъ мѣстахъ. Курганъ сильно поросъ лѣсомъ, такъ что его невозможно было измѣрить. Я могъ сдѣлать только наскоро схематическій рисунокъ этого сооруженія въ свою записную книжку.

Рис. 53.

Этотъ рисунокъ (фиг. 53), прилагаемый здѣсь къ тексту, можетъ познакомить только съ формой кургана и системой укладки камней.

Недалеко отъ Раевской станицы, къ западу, у прекраснаго источника находятся также остатки подобнаго сооруженія на возвышенной мѣстности.

Въ другую сторону отъ Раевской станицы, по направленію къ Анапѣ, верстахъ въ 7 отъ станицы, на крутомъ косогорѣ, находится такой же памятникъ. У подошвы его сохранился колодець съ хорошей водой.

Наконецъ, основаніе подобнаго сооруженія сохранилось верстахъ въ трехъ отъ Раевской стяницы по направленію къ югу. Эта также уступчатая каменная постройка, отъ которой, впрочемъ, сохранились только нижніе ряды камней, находится на краю равнины, надъ ключемъ превосходной воды. По другую сторону равнины холмистая мѣстность осѣняется густой рощей. По рассказамъ Кадрикова, въ этой рощѣ черкесы хоронили умершихъ отъ оспы. Что касается ключа, Кадриковъ мнѣ сообщалъ, что черкесы находили здѣсь вымываемые откуда-то ключемъ золотыя вещи, какъ напр. кольца.

У самага ключа мнѣ пришлось замѣтить хорошо-отесанную известковую плиту съ выдающимся карнизикомъ. По моимъ личнымъ наблюденіямъ, самая равнина, на которой находится упомянутая постройка изъ камней, покрыта глубокимъ культурнымъ слоемъ чернозема, среди котораго попадаетъ много черепковъ и большіе камни-известняки довольно правильной формы. Вообще мѣстность эта представляется мнѣ интересной для археологическихъ изслѣдованій, но, къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности посвятить на это свое время.

Характернымъ признакомъ всѣхъ этихъ сооруженій можно считать то обстоятельство, что около нихъ находится всегда либо ключъ, либо колодець, и обыкновенно эти постройки помѣщаются на видныхъ мѣстахъ. Мнѣ кажется возможнымъ признать ихъ за сооруженія, относящіяся къ металитической эпохѣ. Въ сочиненіяхъ Фергюссона и Варинга находятся изображенія подобныхъ построекъ. По всему вѣроятію, постройки эти одновременны съ болѣе поздними долменами и съ городищемъ Ногай-Кале. Рисунки упомянутыхъ авторовъ представляютъ эти сооруженія, увѣнчанныя долменами, состоящими, впрочемъ, только изъ трехъ плитъ. Изъ числа видѣнныхъ мною этого рода построекъ, верхушки не сохранились въ цѣлости. Въ остальномъ же онѣ представляютъ такое сходство съ рисунками двухъ названныхъ авторовъ, что, пользуясь этимъ сходствомъ, для ознакомленія съ формой этихъ памятниковъ я помѣщаю (для сравненія) рисунки изъ названныхъ изданій.

Рис. 54.

Такъ рисунокъ 54 изображаетъ подобное сооруженіе въ Алжирѣ (Фергюссонъ, стр. 400, фиг. 169). Кромѣ того авторъ даетъ еще рисунки подобныхъ же сооруженій во Франціи (Saucières, Dolmen de Bousquet à Aveyron). Прилагаемый мною къ тексту рисунокъ втораго памятника (рис. 55) (Aveyron) взятъ изъ изданія Варинга

(Stone monuments tumuli and ornament of remote ages—Waring, Лондонъ, 1870 г.).

Фергюссонъ не рѣшается эти сооруженія признать за погребальныя. Не входя въ подробное обсужденіе этого вопроса, требующаго для рѣшенія обстоятельныхъ изслѣдованій, я скажу только, что замѣченное мною сосѣдство источника или колодца возлѣ такихъ сооруженій служить фактомъ, говорящимъ никакъ не въ пользу ихъ погребальнаго значенія.

Наконецъ, подобнаго рода памятникъ встрѣтился мнѣ по дорогѣ изъ Раевской станицы въ бухту Сукко, отстоящую отъ станицы въ 18 верстахъ. Дорога идетъ сначала на сѣверъ, по направленію къ Анапѣ, и послѣ нѣсколькихъ верстъ круто поворачиваетъ на западъ, къ морю. При самомъ поворотѣ въ обширномъ полѣ замѣчается большой могиль-

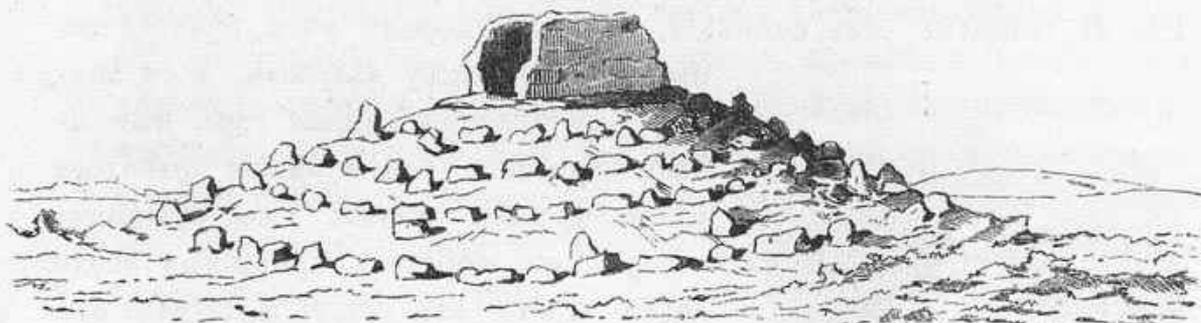

Рис. 55.

никъ, состоящій изъ множества невысокихъ кургановъ. Далѣе дорога идетъ по ущелью, вдоль по теченію рѣчки Сукко. На крутомъ берегу этой рѣчки находится большой курганъ, также составленный изъ камней, уложенныхъ уступами. По слухамъ, бывшій управляющій сосѣдняго имѣнія сдѣлалъ раскопку этого кургана и будто-бы нашелъ въ немъ какое-то оружіе. При осмотрѣ мною этого почти сплошнаго каменнаго сооруженія трудно было дать себѣ ясный отчетъ о его внутреннемъ устройствѣ, до такой степени раскопанная часть были завалены грудой камней. Въ одномъ только мѣстѣ мнѣ удалось замѣтить слой красноватой обожженной глины, происхожденіе которой можетъ возбуждать сомнѣніе относительно ея древности. Проверить слухи было невозможно, такъ какъ управляющій давно переѣхалъ куда-то изъ этихъ мѣстъ. Вообще, осмотръ раскопки не даетъ мнѣ основанія высказать какое-либо опредѣленное положеніе.

Рѣчка Сукко, впадая въ море изъ ущелья, образуетъ при устьѣ небольшую долину, на которой расположены постройки владѣльца этой

мѣстности (покойнаго гр. Лорисъ-Меликова). Задачей моею было обойти берегъ этой едва замѣтной бухты, чтобы посмотрѣть нѣтъ-ли какихъ-либо признаковъ древняго поселенія въ этой долинѣ. Осмотръ мѣстности, къ моему удивленію, убѣдилъ меня въ отсутствіи какихъ-бы то ни было слѣдовъ древнихъ поселеній. Въ долинѣ, между тѣмъ, копали ямы для фундамента какого-то зданія. Изъ осмотра этихъ ямъ я убѣдился, что вся поверхность этой долины представляетъ новое наслоеніе, образованное изъ постоянно заносимыхъ сюда рѣкой круглыхъ валуновъ. Наслоеніе это, какъ замѣтно въ разрѣзѣ ямъ, имѣетъ въ глубину около сажени. Прибрежныя скалы, состоя изъ обожженныхъ сланцевыхъ породъ, поверхность которыхъ не связана растительностью, весьма часто осыпаются и измѣняютъ тѣмъ контуры прежнихъ береговыхъ линій.

По словамъ управляющаго еще недавно, въ послѣднюю зиму, живущіе здѣсь были напуганы обваломъ огромной прибрежной скалы. Такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, съ одной стороны рѣка, приносящая

Рис. 56.

периодически массу валуновъ, а съ другой — постоянная осыпка горъ настойчиво скрываютъ отъ вниманія археолога слѣды древней жизни. Уже вечеромъ, возвращаясь обратно, проѣхавши около двухъ верствъ отъ устья, я узналъ отъ рабочихъ, что въ полѣ, возлѣ рѣчки, лежитъ каменный крестъ. Еще до наступленія темноты я успѣлъ осмотрѣть и срисовать его: онъ небольшихъ размѣровъ *), высѣченъ изъ желтоватаго мягкаго известняка и отъ времени мѣстами вывѣтрился и, такимъ образомъ, утратилъ правильность очертаній. Нижняя часть креста

расширяется къ основанію. Повидимому, крестъ еще недавно стоялъ стоймя, обложенный рядами камней (рис. 56).

Другой крестъ большаго размѣра, по рассказамъ рабочихъ, находился по другую сторону рѣки, въ лѣсу. Но солнце уже зашло, и быстро наступившая темнота помѣшала мнѣ осмотрѣть другой крестъ.

Помимо возможности существованія христіанскаго населенія въ этихъ мѣстахъ, крестъ пользовался почитаніемъ до позднѣйшаго времени у самихъ черкесовъ, какъ не разъ рассказываетъ объ этомъ и Белль,

*) Длина креста 5 четв., толщина 1 четв., а ширина или длина перекрестія 3 четверти.

но, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно трудно утверждать, что этотъ крестъ относится къ памятникамъ христіанства. Въ изд. Фергюссона и Варинга находятся изображенія подобныхъ же крестовъ, относящихся къ разряду мегалитическихъ памятниковъ. Во всякомъ случаѣ я не берусь рѣшать этого вопроса,

Оканчивая свой отчетъ объ изслѣдованіи кавказскаго побережья Чернаго моря, я долженъ замѣтить, что добытый мною археологической матеріалъ не даетъ мнѣ никакого основанія предположить какую-либо тѣсную культурную связь изслѣдованной мною мѣстности съ областями Кубанской и Терской. Если и можно замѣтить какое-либо сходство въ вещахъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ погребенія, то это сходство относится сравнительно къ поздней эпохѣ, опредѣляемой монетами хановъ Джанибека и Абдаллы (Раскопки г. Беренштама, а также г. Антоновича—Труды предварительн. Комитетовъ Тифлискаго археологическаго Съѣзда). Напротивъ того, болѣе древняя эпоха могильника Кобани въ Осетіи, чрезвычайно оригинальная своимъ бронзовымъ производствомъ, является совершенно какъ-бы изолированной отъ изслѣдованной мною мѣстности; найденный мною наконечникъ бронзовой стрѣлки относится все-таки къ болѣе примитивному періоду бронзовой культуры, чѣмъ вещи изъ могильника Кобани *). Вообще, можно замѣтить, что характерныя формы бронзовой культуры Осетіи *кобанскаго типа* не проникали въ приморскую область. Въ эпоху могильника Комунты и другихъ подобныхъ въ вещахъ иногда можно замѣтить нѣкоторое сходство, какъ, напр., въ серьгахъ, но вообще и это сходство выражается въ слабой степени.

Эти факты могутъ привести къ заключенію, что приморская область, изслѣдованная мною, жила въ древности своей особенной жизнью, отдѣленная горами отъ сѣверо-восточныхъ областей Кавказа и, находясь близко моря, подчинялась вліянію другихъ народностей.

*) Во время печатанія отчета былъ сдѣланъ химическій анализъ этой стрѣлки г. лаборантомъ Московскаго Университета кн. Волковскимъ, и этотъ анализъ показалъ, согласно моему предположенію, что стрѣлка сдѣлана изъ чистой мѣди и никакой примѣси другаго металла въ ней не оказалось.